

КГБ

ПРЕДСЕДАТЕЛИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ РАССЕКРЕЧЕННЫЕ СУДЬБЫ

КГБ — одна из самых знаменитых и загадочных аббревиатур XX столетия, до сих пор заставляющая содрогаться многих.

Леонид МЛЕЧИН

Леонид Михайлович Млечин

КГБ. Председатели

органов госбезопасности.

Рассекреченные судьбы

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2902397

КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы:

Центрполиграф; М.; 2011

ISBN 978-5-227-03135-8, 978-5-227-02285-1

Аннотация

Таинственные хозяева Лубянки привлекают наш интерес. Среди них были фигуры яркие и посредственные, люди, поистине определявшие политику страны, и простые исполнители приказов высшей власти. Каждого пятого из них расстреляли. Но двое – Юрий Андропов и Владимир Путин – стали руководителями государства. Чекисты – закрытая и очень влиятельная корпорация. Какую роль органы госбезопасности играли в истории нашей страны? Виновны ли они в драмах и трагедиях России XX века? Что происходит на лубянке в наши дни? Рассказ об этом ждет читателя в 4-ом, дополненном издании книги Л. Млечина.

Содержание

От автора	5
Часть первая	9
Глава 1	9
ГЛАВНОЕ ЗАДАНИЕ	11
«ПРАВО РАССТРЕЛА ДЛЯ ЧК ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО»	14
ВМЕСТЕ С ТРОЦКИМ	19
ОТСТРАНЕН ОТ ДОЛЖНОСТИ	23
«ДЕЛО ЛОККАРТА»	31
ДВА РОМАНТИКА	34
БРОНИРОВАННЫЙ КУЛАК	40
«ОТДЕЛ ПО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»	47
«ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА ВЫ УМРЕТЕ...»	51
ЖЕРТВОЙ МОГ СТАТЬ ЛЮБОЙ	62
МОНЕТАРИСТ И РЫНОЧНИК	68
ДЗЕРЖИНСКИЙ – ПОЛЬСКИЙ ШПИОН?	88
Глава 2	97
МЕЖДУ ЛЕНИНЫМ И ТОЛСТЫМ	97
НОЧЬ В СМОЛЬНОМ	103
ОСОБЫЙ ОТДЕЛ	106
ДЕЗИНФБЮРО	117
ЛЕЖА НА ДИВАНЕ	123
«ПРОМПАРТИЯ» И ДРУГИЕ	128

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ	134
КАК СОБИРАЛИСЬ ИСПОЛЬЗОВАТЬ	138
ТРЕТЬЯКОВА?	
РАСКУЛАЧИВАНИЕ	148
ДЕЛА О ЛЮДОЕДСТВЕ	155
ЗАСТРЕЛИЛСЯ МАЯКОВСКИЙ ИЛИ	159
ЕГО УБИЛИ?	
ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С	167
МАЯКОВСКИМ	
КОНТОРА С ВЫВЕСКОЙ	181
Часть вторая	184
Глава 3	184
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Леонид Михайлович Млечин КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы

От автора

Предыдущее издание этой книги вышло, когда эпоха Владимира Владимировича Путина только начиналась. За прошедшее десятилетие многое изменилось и в жизни страны, и в работе ведомства госбезопасности, появились новые люди, имеющие право занять место в списке героев книги, поэтому я счел своим долгом ее дописать.

Хочу сразу предупредить недоуменные вопросы читателей: Комитет государственной безопасности СССР существовал с 1954 по 1991 год, поэтому, возможно, не совсем корректно пользоваться аббревиатурой КГБ, поскольку в книге речь идет обо всех руководителях госбезопасности от Октябрьской революции до наших дней.

Но именно эти три буквы – КГБ – стали синонимом отече-

ственных органов госбезопасности. Мы по-прежнему говорим «КГБ», хотя это ведомство часто меняло название: Всероссийская чрезвычайная комиссия, Государственное политическое управление, Объединенное государственное политическое управление, Народный комиссариат внутренних дел, Народный комиссариат государственной безопасности, Министерство государственной безопасности, Министерство внутренних дел, Комитет государственной безопасности, Межреспубликанская служба безопасности, Агентство федеральной безопасности, Министерство безопасности, Федеральная служба контрразведки. И нынешнее название службы – Федеральная служба безопасности – не обязательно последнее, хотя эпоха Путина – эпоха стабильности и для ведомства госбезопасности время восстановления утраченных позиций.

Чаще, чем название службы, менялись на Лубянке начальники. С 1917 по 2010 год сменилось двадцать шесть председателей, наркомов, министров и директоров. Для сравнения – наркомов и министров иностранных дел было почти вдвое меньше.

Служба в ведомстве госбезопасности влечет к себе людей, но часто оказывается для них губительной. Некоторые герои этой книги возглавляли ведомство совсем недолго – несколько месяцев, год. Рекорд поставил Юрий Владимирович Андропов: он был председателем КГБ пятнадцать лет. Николай Платонович Патрушев проработал на посту директора ФСБ

без малого десять лет.

Многие входили в известное здание на Лубянке под аплодисменты, обретали там власть и награды. Но мало кто уходил с Лубянки по своей воле или на повышение. Из госбезопасности в основном увольняют или убирают. Пятерых расстреляли. Другие попали в тюрьму или в опалу. В лучшем случае их отодвигают в сторону. Правда, двое героев этой книги – Юрий Андропов и Владимир Путин – стали руководителями государства.

Нам со стороны кажется, что эти люди, наделенные огромной властью, наслаждались жизнью. Реальность далека от нашего воображения. В истории Лубянки отразилась трагическая история нашей страны в XX столетии.

Эта книга представляет собой попытку нарисовать портреты всех хозяев Лубянки. Одни уже вошли в историю, другие продолжают участвовать в современной политике. Об одних известно больше, о других меньше. Книга основана не только на воспоминаниях очевидцев и архивных документах, преданных гласности в последние годы, но и на многочисленных беседах автора с участниками событий – отставными или действующими сотрудниками госбезопасности, партийными работниками и политическими деятелями, равно как и с историками, которые пытаются осмыслить наше недавнее прошлое.

Исключение – фигуры последнего времени. Ситуация изменилась. Хозяевами Лубянки вновь стали люди сугубо

непубличные. Они сами мало что рассказывают о себе и своей службе, и подчиненные следуют их примеру. Более того, молчат и отставники.

В нынешней жизни высшие чиновники если и уходят – на пенсию или в другие сферы деловой жизни, – то мемуаров не пишут. Характерный пример. Из команды Путина в оппозиции оказались только двое: глава правительства Михаил Михайлович Касьянов и советник президента по экономическим вопросам Андрей Николаевич Илларионов. Оба высказываются достаточно часто, но практически избегают описания механизмов принятия решений в Кремле и Белом доме, расстановки сил в системе высшей власти, личных оценок влияния тех или иных ключевых фигур.

Что уж говорить о таких закрытых фигурах, как руководители ведомства госбезопасности последнего десятилетия! Тут мы можем основываться только на тех материалах, которые просочились в открытую печать.

Часть первая ЭПОХА ДЗЕРЖИНСКОГО

Глава 1 ФЕЛИКС ЭДМУНДОВИЧ ДЗЕРЖИНСКИЙ

Никто в России сначала не оценил по достоинству декрет о создании ВЧК. А между тем эти три буквы стали одной из самых знаменитых аббревиатур XX столетия.

Впрочем, в первые послереволюционные месяцы были и другие комиссии и комитеты, наводившие страх. Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем создавали в основном для того, чтобы справиться с армией чиновников, которые бойкотировали новую власть. Но вскоре в стране с ужасом заговорили о «кожаных людях».

Сотрудники ВЧК носили кожаные куртки: им раздали обмундирование, предназначенное для летчиков. Это был подарок Антанты, найденный большевиками на складах в Петрограде. Куртки чекистам нравились не потому, что они предчувствовали моду на кожу. Все проще: в кожаных

куртках не заводились виши. В те годы это было очень важно: виши переносчики тифа, который косил людей и на фронте, и в тылу.

В январе 1918 года знаменитая писательница Зинаида Гиппиус записала в дневнике: «Очень странен и подозрителен этот комитет на Гороховой «по борьбе с контрреволюцией и саботажем». Главные буйства идут оттуда... Левые эсеры признались, в частном разговоре, что Гороховая, 2, – это их «охранное отделение». Там, конечно, есть уже и опытные филеры, из старых. Всякий день строятся какие-нибудь «заговоры».

В Санкт-Петербурге на углу улицы Гороховой и Адмиралтейского проспекта и поныне стоит дом, где в декабре 1917 года расположилась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Сейчас в этом здании находится музей, где воссоздана обстановка, в которой работал председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский.

До революции там помещалось управление санкт-петербургского градоначальника, в первые дни после Октябрьской революции заседала Чрезвычайная комиссия по охране города во главе с будущим маршалом и наркомом обороны Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Тогда Ворошилов казался более важным и опасным человеком, чем Феликс Эдмундович Дзержинский.

ГЛАВНОЕ ЗАДАНИЕ

Как только его не именовали! И козлобородым палачом в кавалерийской шинели. И кровопийцей. И маньяком. И садистом. Кем же он был в действительности? Дзержинский родился 30 августа 1877 года в имении Держиново Ошмянского уезда Виленской губернии (ныне Столбцовский район Минской области) в семье мелкопоместного дворянина. У его матери Хелены было восемь детей – Альдона, Станислав, Казимир, Ядвига, Игнатий, Владислав, Феликс, Ванда. Рассказывают ужасную историю. Однажды Феликс и Станислав решили пострелять по мишени, и вдруг появилась сестренка Ванда... Ей было четырнадцать лет, чья пуля ее убила – Феликса или Станислава – осталось неизвестным. В 1917 году бандиты зарезали Станислава Дзержинского. Он работал в банке, вернулся домой, и его убили – хотели ограбить. Феликс учился в гимназии, но учебу не закончил. В восемнадцать лет вступил в социал-демократический кружок, затем в партию «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы». С этого момента и до 1917-го Дзержинский занимается только одной партийной работой. Профессиональный революционер – так это тогда называлось.

В 1897 году он был арестован в первый раз и выслан на три года в Вятскую губернию. Через год бежал, вернулся в Вильно, оттуда перебрался в Варшаву, где агитировал рабо-

чих присоединяться к социал-демократам.

В начале 1900 года он вновь арестован. Сидел в Варшавской цитадели и в Седлецкой тюрьме. В 1902-м его выслали на пять лет в Сибирь. По дороге он бежал и перебрался за границу: в те времена это было несложно. Однако вскоре вернулся. В июле 1905-го новый арест. Но тут началась первая русская революция, и осенью он подпал под октябрьскую амнистию. В конце 1906-го его снова арестовали, но отпустили под залог.

Через год опять арест, суд и ссылка в Сибирь, в Енисейскую губернию. Однако вскоре Дзержинский вновь бежал, после чего работал в Польше.

После побега из ссылки Феликс записал в дневнике: «Жизнь такова, что требует, чтобы мы преодолели наши чувства и подчинили их холодному рассудку». Ради революции он заставил себя забыть о любимой женщине.

В 1912 году его арестовали и теперь уже взялись за него по-настоящему: приговорили к трем годам каторги. Отбывал он ее в Орле. Когда этот срок закончился, его повезли в Москву и в 1916-м стали судить за старое. Добавили еще шесть лет каторги. Отбыть этот срок он не успел: его, как и других политических заключенных, освободила Февральская революция.

Дзержинский участвовал в том историческом заседании ЦК партии большевиков 10 октября 1917 года в Петрограде, где было принято решение о подготовке вооруженного вос-

стания. Именно Дзержинский в тот день предложил «создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из членов ЦК». Предложение Дзержинского понравилось: политбюро существовало до августа 1991 года.

За неделю до революции Горький опубликовал в газете «Новая жизнь» статью под названием «Нельзя молчать!». Он требовал от большевиков заявить, что они не собираются устраивать восстание. Если это произойдет, предупреждал писатель, «вспыхнут все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики, люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости». Предупреждение Горького большевики с возмущением отвергли.

Дзержинского включили в состав Петроградского военно-революционного комитета и военно-революционного партийного центра по руководству Октябрьским вооруженным восстанием. 24 октября ему поручили руководить захватом почты и телеграфа. Временное правительство не сопротивлялось. Власть перешла к большевикам.

Дзержинский отвечал за охрану Смольного. В качестве коменданта Смольного Дзержинский подписал пропуск американскому журналисту Джону Риду, автору знаменитой книги об Октябрьской революции «Десять дней, которые потрясли мир».

А 20 декабря Дзержинский получает свое главное задание сформировать и возглавить ВЧК.

«ПРАВО РАССТРЕЛА ДЛЯ ЧК ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО»

Пробыв одиннадцать лет в тюрьмах и на каторге, Дзержинский лучше других знал, как действует репрессивный аппарат. Какие уроки он извлек из собственного опыта? С одной стороны, он брезговал опускаться до уровня царской охранки и ненавидел провокаторов. С другой – хорошо помнил, с какой легкостью ему и его товарищам удавалось обманывать царских полицейских и тюремщиков, и не хотел повторять ошибок своих противников.

На заседании коллегии ВЧК 18 февраля 1918 года было принято решение использовать «секретных сотрудников только по отношению к спекулятивным сделкам, к политическим же врагам эти меры не принимаются. Борьба ведется чисто, идейным содействием советских элементов».

Ровно через месяц на новом заседании коллегии было принято постановление, которое запрещало ВЧК использовать провокации. Но благие намерения испарились при столкновении с реальностью.

Дзержинский считается непрофессионалом, но это он ввел внутрикамерную «разработку» заключенных. К ним подсаживались агенты, которые выведывали то, о чем на допросах арестованные не говорили. «Подсадными утками» пользуются и по сей день.

Следствие по политическим делам с первого дня было основано на внедрении в ряды противников агентов-провокаторов. Настоящего расследования не проводили, для этого не было ни времени, ни умения, поэтому от следователя требовалось добиться от виновного признания. Доносчиков, осведомителей, секретных агентов ценили как главный инструмент следствия.

Дзержинский не считал ВЧК специальной службой, контрразведкой или политической полицией. Он видел в ВЧК особый орган, имеющий право самостоятельно уничтожать врагов. Он писал: «Работники ЧК – это солдаты революции, и они не могут пойти на работу розыска-шпионства: социалисты не подходят для такой работы. Боевому органу, подобному ЧК, нельзя передавать работу полиции. Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно».

12 июня 1918 года партийная фракция на конференции местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и саботажем приняла такое решение:

1. Секретными сотрудниками пользоваться.
2. Изъять из обращения видных и активных руководителей монархистов-кадетов, правых эсеров, меньшевиков.
3. Взять на учет и установить слежку за генералами и офицерами, взять под наблюдение Красную армию, командный состав, клубы, кружки, школы и т. д.
4. Расстреливать видных и явно уличенных контрреволюционеров, спекулянтов, грабителей и взяточников.

5. В провинции пресечь распространение буржуазной, соглашательской и бульварной печати.

6. Предложить ЦК отозвать т. Урицкого с его поста в Петроградской ЧК и заменить его более стойким и решительным товарищем, способным твердо и неуклонно провести тактику беспощадного пресечения и борьбы с враждебными элементами, губящими Советскую власть и революцию...»

Моисей Соломонович Урицкий, которого чекисты-партийцы потребовали убрать из Петроградской ЧК, был уважаемым человеком среди большевиков. Он много лет провел в тюрьме и в ссылке, в эмиграции был близок к Троцкому.

25 октября 1917 года Урицкого назначили комиссаром при министерстве иностранных дел. На следующее утро после революции он приехал в МИД, где провел беседу с дипломатами. Но дипломатическими делами занимался всего несколько дней: он получил новое задание – руководить Всероссийской комиссией по делам о выборах в Учредительное собрание. В феврале 1918-го его включили в состав Комитета революционной обороны Петрограда, в марте он возглавил Петроградскую ЧК.

Урицкий был одним из немногих большевиков, которые тяготились работой в ЧК и не хотели брать на себя грех репрессий, – в отличие от последующих поколений руководителей-чекистов, гордившихся своей работой. Встав во главе Петроградской ЧК, он тут же добился решения не применять смертной казни даже в отношении лиц, совершивших особо

тяжкие преступления. Это и вызвало негодование коллег.

Через месяц с небольшим Урицкого застрелил студент-эсер Леонид Канегиссер. На следующий день, 30 августа 1918 года, в Москве стреляли в Ленина – после его выступления на митинге у завода Михельсона.

Подозреваемую схватили на месте преступления. Это была двадцативосьмилетняя Фаня Ефимовна Ройдман, молодая женщина с богатой революционной биографией. В шестнадцать лет она примкнула к анархистам и взяла себе фамилию Каплан. В 1906-м была ранена при взрыве бомбы в Киеве и приговорена к бессрочным каторжным работам.

Дознание прошло в рекордно быстрые сроки. Никто не сомневался в ее виновности. Ее расстрелял лично комендант Кремля Мальков. Тело сожгли. В последние годы участие Каплан в покушении на Ленина вызывает большие сомнения. Полуслепая женщина, по мнению экспертов, никак не могла попасть в Ленина. Осталось также невыясненным, по чьему заданию она действовала.

Несмотря на попытки провести новое расследование, подлинные обстоятельства этого покушения так и остались неразгаданной тайной, как и история с убийством президента Джона Кеннеди. Возможно, Фанни Каплан и в самом деле стреляла в Ленина. Но так ли это было или нет, уже не установишь...

После убийства Урицкого и покушения на Ленина был провозглашен «красный террор». К тому же 4 августа 1918

года войска стран Антанты высадились под Архангельском. Это тоже побудило большевиков на жестокие меры.

В результате в Петрограде пятьсот человек расстреляли и столько же взяли в заложники. Списки заложников публиковались в «Красной газете» в сентябре 1918 года под заголовком «Ответ на белый террор».

Петроградский совет постановил: «Довольно слов: наших вождей отдаем под охрану рабочих и красноармейцев. Если хоть волосок упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках, мы истребим поголовно вождей контрреволюции».

«Красная газета» писала: «Старое офицерство, главные кадры всех белогвардейских восстаний, не очень многочисленно. И если революция того потребует, если старое офицерство не бросит своих безумных попыток вернуть свои привилегии и царя, оно, за исключением тех отдельных честных из их среды, которые порвали с ними, поголовно будет уничтожено».

Министр внутренних дел Григорий Петровский разослал всем местным органам власти циркулярную телеграмму: «Применение массового террора по отношению к буржуазии является пока словами. Надо покончить с расхлябанностью и разгильдяйством. Надо всему этому положить конец. Предписываем всем Советам немедленно произвести арест правых эсеров, представителей крупной буржуазии, офицерства и держать их в качестве заложников».

Начались массовые аресты. Хватали всех, кто внушал подозрение. Но в те времена иногда еще можно было добиться освобождения арестованного, найдя ключик к влиятельному человеку или попав на незлого следователя...

Видный царский дипломат Владимир Борисович Лопухин тоже был арестован в те дни. Его отвезли на Гороховую. Следователь ВЧК сказал бывшему сотруднику МИД:

– Садитесь. Что вы, батенька, по спекулянтам шляетесь? Бросьте. Займитесь другим делом.

Лопухин ответил, что связался с этой публикой совершенно случайно. Тогда следователь произнес:

– Ладно, я вас отпущу. Только я устал и проголодался, а надо написать протокол вашего допроса. Хотите, сделаем так: я пойду поужинаю, а вы садитесь в мое кресло и напишите сами протокол? Допросите сами себя вот по этому образцу.

Лопухин написал протоколы мнимых допросов не только за себя, но и за товарищей. Вернулся следователь, просмотрел протоколы и всех отпустил.

Такое тоже бывало...

ВМЕСТЕ С ТРОЦКИМ

Первый кризис в правительстве большевиков разразился из-за войны с немцами. Дзержинский тогда резко разошелся с Лениным во взглядах.

7 ноября народный комиссар по иностранным делам Лев Давидович Троцкий, исполняя главное обещание большевиков покончить с войной, предложил всем воюющим государствам заключить мир. В дипломатической ноте, с которой он обратился к послам союзных стран, говорилось:

«Сим честь имею известить Вас, господин посол, что Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов организовал 26 октября новое правительство Российской республики в виде Совета народных комиссаров. Председателем этого правительства является Владимир Ильич Ленин. Руководство внешней политикой поручено мне в качестве народного комиссара по иностранным делам.

Обращая Ваше внимание на одобренный Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов текст предложения перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, честь имею просить Вас смотреть на указанный документ как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров...»

Послы Англии и Франции игнорировали обращение Троцкого: они не верили, что большевистское правительство продержится долго. Страны Антанты отказались вести переговоры. Немцы и австро-венгры согласились: они терпели поражение и хотели заключить сепаратный мир на востоке, чтобы продолжить войну на западе.

22 ноября Троцкий подписал соглашение о приостановке

военных действий на фронте.

Принять грабительские требования немцев Троцкий считал немыслимым для себя и позором для России. Он говорил, что подписывать мир с немцами можно, только уступая силе и только тогда, когда положение станет безвыходным. Но продолжать войну тоже нельзя: солдаты должны вернуться домой. Это было мнение не одного лишь Троцкого, но и Ленина.

Борьба вокруг заключения мира с немцами шла не между Лениным и Троцким, а между Лениным и Троцким, с одной стороны, и значительной частью членов партии, требовавших воевать во что бы то ни стало, – с другой. Среди последних был и Дзержинский.

Затягивать переговоры, не заключая как можно дольше мира, – такова была линия Ленина.

24 января 1918 года на заседании ЦК большинством голосов была принята формула Троцкого: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». Через два дня такое решение подтвердило объединенное заседание ЦК большевиков и их союзников левых эсеров.

10 февраля на переговорах с немцами и австро-венграми в городе Брест-Литовске Троцкий говорил:

«В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны.

Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещиков передала в руки крестьянина.

Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство...

Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора».

Однако Ленин и Троцкий просчитались: немецкие войска перешли в наступление. Опасаясь, что немцы возьмут и Петроград, и Москву, Ленин потребовал подписать мир на любых условиях. Дзержинский с Лениным не согласился и вместе с группой членов ЦК написал заявление против мира с немцами, считая это капитуляцией.

Но, как выразился сам Дзержинский, бороться на трех фронтах против германского империализма, против российской буржуазии и против «части пролетариата во главе с Лениным» опаснее, чем заключить мир. Проголосовать за мир

Дзержинский по принципиальным соображениям не мог, поэтому при окончательном голосовании воздержался вместе с Троцким. Это позволило принять резолюцию Ленина о мире.

3 марта 1918 года был подписан Брест-Литовский мирный договор между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой.

27 августа в Берлине было подписано дополнительное соглашение о выплате Германии огромной контрибуции. Это соглашение Россия в значительной степени успела выполнить. Все территории, захваченные Германией, той же осенью, после немецкой революции, вновь отошли к России, а вот отданное в качестве контрибуции золото так и осталось у немцев.

ОТСТРАНЕН ОТ ДОЛЖНОСТИ

Больше всех миром с немцами возмущались левые социалисты-революционеры, единственные политические союзники большевиков. Первое время Ленин дорожил союзом с эсерами, которых поддерживало крестьянство. Но это сотрудничество постепенно сходило на нет, потому что они все больше расходились с большевиками. После того как эсеры вышли из правительства, они оставались только в ВЧК и в армии.

4 июля 1918 года в Москве открылся V съезд Советов.

Нарком по военным и морским делам Троцкий потребовал расстреливать всех, кто ведет враждебные действия на демаркационной линии с немцами: раз уж подписали мир, не надо постоянно провоцировать немцев.

Эсеры, требовавшие войны с немцами, приняли слова Троцкого на свой счет. С револьвером на боку член ЦК эсеров Борис Камков, заместитель председателя ВЦИК, обрушился с бранью на немецкого посла графа Вильгельма Мирбаха и назвал большевиков «лакеями германского империализма». Камков, отражая настроения эсеров, которые были крестьянской партией, сказал большевикам: «Ваши продотряды и ваши комбеды мы выбросим из деревни за шиворот».

6 июля днем члены ЦК эсеров демонстративно покинули Большой театр, где шел съезд Советов, и собрались в штабе левозэсеровского кавалерийского отряда в Большом Трехсвятительском переулке.

В тот же день в два часа дня сотрудники ВЧК Блюмкин и Андреев прибыли в германское посольство. Они предъявили мандат, на котором была подпись Дзержинского и печать ВЧК, и потребовали встречи с послом Мирбахом. Когда посол вышел к ним, они его убили.

Через час Ленин позвонил Дзержинскому и сообщил об убийстве посла: ВЧК не была тогда еще такой всевластной организацией и многие новости узнавала со стороны.

Импульсивный Дзержинский сразу же поехал в посольство, а оттуда бросился в подчиненный ему отряд ВЧК, ко-

торым командовал левый эсер Попов, поскольку полагал, что там, вполне возможно, укрылись убийцы Мирбаха. Но Попов не только отказался выдать Блюмкина и Андреева председателю ВЧК Дзержинскому, но и арестовал самого Феликса Эдмундовича.

После подавления эсеровского мятежа было проведено следствие, в связи с чем Дзержинский временно сложил с себя полномочия председателя ВЧК, которые вернул себе в августе.

Эти два месяца обязанности председателя исполнял Ян Христофорович Петерс, сидевший в тюрьме во время царизма. Впоследствии он был представителем ВЧК в Туркестане, в 1930 году из ОГПУ перешел на партийную работу, в 1938-м его расстреляли. В циркуляре № 47, подписанном Яном Петерсом, говорилось, что ВЧК «в своей деятельности совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК».

По указанию Ленина 10 июля допросили и самого Дзержинского: он тоже был под подозрением, поскольку в мятеже участвовали его подчиненные. И кроме того, как мог он проморгать, что на его глазах готовится убийство немецкого посла и зреет заговор? Дзержинский рассказал на допросе:

«Приблизительно в половине июня мною были получены сведения, исходящие из германского посольства, подтверждающие слухи о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства и о заговоре против Советской вла-

сти.

Членами германского посольства был дан список адресов, где должны были быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики. Это дело мною было передано для расследования товарищам Петерсу и Лацису. Предпринятые комиссией обыски ничего не обнаружили. В конце июня мне был передан новый материал о готовящихся заговорах... Я пришел к убеждению, что кто-то шантажирует нас и германское посольство».

Подпись Дзержинского на мандате, который Блюмкин предъявил в посольстве, была поддельной, а печать подлинной. Дзержинский объяснил: «Александрович был введен в комиссию в декабре месяце прошлого года по категорическому требованию эсеров. У него хранилась большая печать, которая была приложена к подложному удостоверению от моего якобы имени, при помощи которого Блюмкин и Андреев совершили убийство. Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров».

О своих действиях в день мятежа Дзержинский рассказал следующее:

«Сведения об убийстве графа Мирбаха я получил 6 июля, около трех часов дня от Председателя Совета Народных Комиссаров по прямому проводу. Сейчас же поехал в посольство с отрядом, следователями и комиссаром для организации поимки убийц.

Лейтенант Миллер встретил меня громким упреком: «Что

вы теперь скажете, господин Дзержинский?» Мне показана была бумага-удостоверение, подписанное моей фамилией...

Тогда я с тремя товарищами (Трепаловым, Беленьким и Хрустальевым) поехал в отряд, чтобы узнать правду и арестовать Блюмкина. В комнате штаба было около десяти – двенадцати матросов. Попов в комнату явился только после того, как мы были обезоружены, стал бросать обвинения, что наши декреты пишутся по приказу «его сиятельства графа Мирбаха»...»

Подобное поведение было расценено как восстание левых эсеров. Большевики арестовали их фракцию на съезде Советов. В ответ вооруженные эсеры захватили телеграф и телефонную станцию, печатали свои листовки, члены ЦК разъехались по воинским частям и заводам.

Но поднять Москву эсерам не удалось: рабочие и солдаты довольно спокойно относились к Брестскому миру.

Военные, присоединившиеся к левым эсерам, предлагали взять Кремль штурмом, пока у восставших перевес в силах. Но руководители эсеров удерживали военных: их задача – оборона штаба! Эсеры действовали нерешительно, потому что боялись, что прямая схватка с большевиками пойдет на пользу мировой буржуазии.

Левые эсеры хотели показать большевикам, а заодно и немецкому военному командованию свою силу. Они пользовались поддержкой и в армии, и среди крестьянства (на выборах в Советы им достались голоса почти всех крестьян) и,

учитывая это, всерьез полагали, что смогут развернуть революционное движение в Германии.

Эсеры исходили из того, что без поддержки мировой революции в России подлинный социализм не построить. Лидер эсеров Мария Спиридонова, объясняя, что Брестский мир задержал германскую революцию на полгода, писала Ленину после 6 июля: «В июле мы не свергали большевиков, мы хотели одного – террористический акт мирового значения, протест на весь мир против удушения нашей Революции. Не мятеж, а полустихийная самозащита, вооруженное сопротивление при аресте. И только».

Сравнительно пассивная позиция эсеров позволила большевикам взять инициативу в свои руки. Наркомвоенмор Троцкий вызвал из-под Москвы два латышских полка, верных большевикам, подтянул броневики и приказал обстрелять штаб отряда Попова из артиллерийских орудий. Через несколько часов левым социалистам-революционерам пришлось сложить оружие.

К вечеру 7 июля мятеж был подавлен. Заместителя Дзержинского по ВЧК В.А. Александровича и двенадцать сотрудников из отряда Попова расстреляли.

Убийцы Мирбаха начальник отдела ВЧК по борьбе с международным шпионажем Яков Блюмкин и его напарник Николай Андреев получили по три года, но и этого срока не отсидели.

Блюмкин так объяснил причины теракта:

«Я противник сепаратного мира с Германией и думаю, что мы обязаны сорвать этот постыдный для России мир...

Но кроме общих и принципиальных моих, как социалиста, побуждений, на этот акт толкают меня и другие побуждения. Черносотенцы-антисемиты, многие из которых германофилы, с начала войны обвиняли евреев в германофильстве, сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и сепаратный мир с немцами.

Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особое значение. Я как еврей и социалист беру на себя свершение акта, являющегося этим протестом».

19 мая 1919 года президиум ВЦИК реабилитировал Блюмкина и вернул его в ВЧК. Потом он служил в разведке, но через десять лет, 3 ноября 1929 года, был расстрелян за то, что встретился с уже высланным из страны Троцким. Это преступление было пострашнее убийства германского посла...

В целом к эсерам отнеслись достаточно снисходительно. Эсеры считали, что Ленин испытывает к ним симпатию, помня о старшем брате – эсере Александре, повешенном в 1887-м за покушение на императора Александра III.

Июльский мятеж имел трагические последствия для нашей истории. Социалисты-революционеры были изгнаны из политики и из государственного аппарата и, таким образом, уже не имели возможности влиять на судьбы страны. Позд-

нее, уже при Сталине, всех видных эсеров уничтожат, российское крестьянство лишится своих защитников, а советская власть станет однопартийной и получит дополнительный повод для репрессий.

ВЧК стала орудием уничтожения всех, кроме большевистской, социалистических партий в России, которые в 1917 году объединяли больше миллиона человек. Эсеры и меньшевики фактически были поставлены вне закона: их судьбу решали закрытые инструкции ВЧК, в суд дела социалистов не передавали.

Политбюро поручило чекистам сделать упор «на постановке осведомления, внутренней информации и извлечении всех контрреволюционных и антисоветских деяний во всех областях». Меньшевиков и социалистов-революционеров методично уничтожали. Последних расстреляли 11 сентября 1941 года в лесу под Орлом. Это уже были старики и старухи, но Сталин все равно их боялся.

В орловской тюрьме провели остаток жизни многие лидеры эсеров. Среди них была и легендарная Мария Александровна Спиридонова. 29 января 1906 года двадцатилетняя Спиридонова, член тамбовской эсеровской боевой дружины, из револьвера смертельно ранила жандармского полковника Луженовского, который беспощадно усмирал крестьянские бунты в Тамбовской области. Спиридонову приговорили тогда к смертной казни через повешение, но заменили бессрочной каторгой.

После Февральской революции она стала вождем левых эсеров. В 1917-м Спиридонову называли самой популярной и влиятельной женщиной в России. Ее тоже расстреляли 11 сентября 1941-го. Она потеряла все, включая свободу, поскольку выступала против сотрудничества с немцами, и тем не менее ее уничтожили из опасения, что она перейдет на сторону немцев!

«ДЕЛО ЛОККАРТА»

Умело действовавшие агенты-провокаторы помогли Феликсу Дзержинскому в 1918 году ликвидировать разведывательную сеть западных стран в Советской России.

Летом 1918-го в Москве был разоблачен так называемый «заговор послов», хотя самих послов в Москве и не было: никто в мире Советскую Россию еще не признал.

Главным заговорщиком был английский дипломат Роберт Брюс Локкарт. После революции его отправили в Москву для налаживания неофициальных контактов с большевиками. Он установил неплохие отношения с первым наркомом иностранных дел Троцким и его заместителем и будущим преемником Георгием Васильевичем Чичериным.

Локкарт вспоминал, что оказался бок о бок с людьми, которые работали восемнадцать часов в сутки и в которых жил дух самопожертвования и аскетизма, вдохновлявший пури-тан и ранних иезуитов.

Но в Англии к Локкарту относились скептически, его сообщениям из Москвы не верили. Один из чиновников английского министерства иностранных дел говорил: «Может быть, господин Локкарт и давал нам негодные советы, но нас нельзя обвинить в том, что мы им следовали».

Локкарт даже в те трудные времена жил в Москве в свое удовольствие, посвящая большую часть времени своей знаменитой любовнице баронессе Будберг.

Роберт Брюс Локкарт оставил интересный портрет председателя ВЧК: «Дзержинский – человек с корректными манерами и спокойной речью, но без тени юмора. Самое замечательное – это его глаза. Глубоко посаженные, они горели холодным огнем фанатизма. Он никогда не моргал. Его веки казались парализованными».

Локкарта допрашивал Ян Христофорович Петерс, в то время заместитель председателя ВЧК.

Он показал англичанину свои ногти в доказательство тех пыток, которым подвергся в застенках дореволюционной России, пишет Локкарт. Ничто в его характере не обличало бесчеловечное чудовище, каким его обычно считали. Петерс говорил Локкарту, что каждое подписание смертного приговора причиняет ему физическую боль.

«Я думаю, – писал Локкарт, – это была правда. В его натуре была большая доля сентиментальности, но он был фанатиком, он преследовал большевистские цели с чувством долга, которое не знало жалости... Этот странный человек,

которому я внушал почему-то интерес, решил доказать мне, что большевики в мелочах могут быть такими же рыцарями, как и буржуа...»

После заключения Брестского мира, когда стало ясно, что Советская Россия не станет более воевать с немцами, союзники решили, что большевиков надо свергнуть и привести к власти новое правительство, которое возобновит войну с Германией.

Локкарт прежде всего установил отношения с Борисом Викторовичем Савинковым и переслал в Лондон план этого лидера эсеров-боевиков: «убить всех большевистских лидеров в ночь высадки в России войск Антанты». Сами англичане, конечно, не собирались убивать вождей революции: для этого у них была местная агентура.

Во время Первой мировой войны английская разведка добилась больших успехов и по праву считалась самой эффективной в мире спецслужбой. Но в России действовали скорее дилетанты. Во всяком случае, самой крупной фигурой из них был родившийся в России английский подданный Сидней Рейли, авантюрист и фантазер.

Локкарт и Рейли проиграли Дзержинскому, который подослал к ним двух чекистов-латышей под видом командиров Красной армии, разочаровавшихся в революции и предложивших англичанам убить Ленина и Троцкого. Однако Сидней Рейли считал, что убивать не надо, достаточно выставить их на посмешище – снять с Ленина и Троцкого брюки и про-

вести их в нижнем белье по улицам Москвы.

После убийства председателя Петроградской ЧК Урицкого и покушения на Ленина с «заговором послов» было покончено. Английское посольство было захвачено, Локкарта и других англичан арестовали, а потом выслали из страны.

Сиднея Рейли в 1925-м заманили в Советский Союз обещанием устроить встречу с лидерами антисоветского подполья. 28 сентября он перешел границу и под наблюдением чекистов приехал в Москву, где и был арестован. Он дал все показания, которые от него требовали. Но судить его не стали: 5 ноября 1925 года его просто убили. Четыре чекиста вывезли его за город будто бы на прогулку и затем выстрелили ему в спину. После контрольного выстрела в грудь привезли труп обратно и на следующий день закопали во дворе внутренней тюрьмы ОГПУ на Лубянке.

ДВА РОМАНТИКА

При Дзержинском возник конфликт между разведкой и дипломатией, который не улажен и по сей день.

В конце 1921 года народный комиссариат по иностранным делам переехал в дом бывшего страхового общества «Россия» на Кузнецком мосту (дом номер 21/5), где располагался до 1952 года, когда дипломатам передали только что отстроенное высотное здание на Смоленской площади.

От наркомата до здания ГПУ (впоследствии ОГПУ) на

Лубянке буквально два шага, и дипломаты несколько иронически называли чекистов «соседями». Это словечко прижилось и употребляется до сих пор.

Но отношения у двух ведомств были отнюдь не добрососедскими, тем более что второй в истории Советской России нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин позволял себе то, на что не решатся его преемники, он открыто спорил с чекистами и возмущался применявшимися ими методами работы.

Нарком Чичерин вообще был человеком не от мира сего. Идеалист, глубоко преданный делу, он вошел в историю как трагическая фигура, не приспособленная для советской жизни. И этот человек, в котором не было ничего советского, установил основные принципы советской дипломатии, продолжавшие действовать почти до самого распада Советского Союза.

Между Дзержинским и Чичериным было много общего. Дворяне из образованных семей, они были неутомимыми и добросовестными тружениками, идеалистами, преданными делу людьми. Но их взгляды на пути построения коммунизма сильно разошлись.

8 марта 1925 года Дзержинский обиженно писал члену политбюро Григорию Евсеевичу Зиновьеву: «Для ОГПУ пришла очень тяжелая полоса. Работники смертельно устали, некоторые до истерии. А в верхушках партии известная часть начинает сомневаться в необходимости ОГПУ (Бу-

харин, Сокольников, Калинин, весь наркомат иностранных дел».

Главным своим внутренним врагом Чичерин называл Коминтерн. У Советского Союза в 20-х годах были две политики: государственная, которую осуществляли Чичерин и наркомат иностранных дел, и коминтерновская.

Призывы руководителей Коминтерна и Советского Союза к мировой революции, обещания поддержать вооруженное восстание пролетариата, откровенная помощь компартиям подрывали усилия советской дипломатии поладить с окружающим миром.

Скажем, Москва деньгами и оружием помогала немецким коммунистам, полагая, что мировая революция начнется в Германии. Одновременно Москва тесно сотрудничала с правительством Германии и с рейхсвером, который сокрушал коммунистов.

Вторым своим врагом Чичерин считал ГПУ:

«Руководители ГПУ были тем невыносимы, что были неискренни, лукавили, вечно пытались соврать, надуть нас, нарушить обещания, скрыть факты... Аресты иностранцев без согласования с нами вели к миллионам международных инцидентов, а иногда после многих лет оказывалось, что иностранца незаконно расстреляли (иностранцев нельзя казнить без суда), а нам ничего не было сообщено.

ГПУ обращается с НКВД как с классовым врагом... Ужасная система постоянных сплошных арестов всех част-

ных знакомых инопосольств... Еще хуже вечные попытки принудить или подговорить прислугу, швейцара, шофера посольства и т. д. под угрозой ареста сделаться осведомителями ГПУ... Некоторые из самых блестящих и ценных наших иностранных литературных сторонников были превращены в наших врагов попытками ГПУ заставить путем застрашиваний их знакомых или родственников их жен осведомлять об них ГПУ...

Внутренний надзор ГПУ в НКИД и полпредствах, шпионаж за мной, полпредами, сотрудниками поставлен самым нелепым и варварским образом...»

Скандалы между двумя ведомствами возникали на каждом шагу, и Чичерин был возмущен тем, что чекисты не церемонятся с наркоматом иностранных дел.

В марте 1921 году сотрудники ЧК арестовали сотрудника НКИД, подозревая его в шпионаже. Дзержинский сообщил об аресте Ленину, но Чичерину ничего не сказал. Нарком даже не мог узнать, за что именно задержали его подчиненного.

Чичерин написал Дзержинскому злое письмо:

«Или надо окружить Россию китайской стеной, или надо признать, что ее международные интересы являются коренными интересами ее, и действия во вред им быют по республике.

Если это не останавливает некоторых Ваших агентов, не позволяйте им этого. Мы знаем их уровень... Думаю, что

имею политическое и моральное право настаивать, чтобы мне, наконец, сообщили, в чем дело».

ОГПУ старалось проникать в иностранные посольства в Москве, расшифровывать телеграммы, которыми посольства обменивались со своими странами. Часто действовали неумело, и, когда посольства это обнаруживали, возникал скандал. Объясняться приходилось наркомату иностранных дел.

Политбюро не один раз создавало комиссии для разрешения споров между НКВД и ОГПУ. В 1923 году такую комиссию возглавлял секретарь ЦК Вячеслав Молотов, в 1928-м председатель Центральной контрольной комиссии Серго Орджоникидзе.

В те времена с чекистами еще можно было спорить. Госбезопасность не была всевластной.

«Между разведкой и наркоматом иностранных дел всегда шла жестокая борьба за влияние... Почти всегда сведения и заключения этих двух учреждений по одним и тем же вопросам расходятся между собой... Борьба принимает особенно острые формы при назначении сотрудников за границей и продолжается за границей между послом и резидентом», — отмечал Георгий Агабеков, первый советский разведчик, бежавший на Запад.

Георгий Агабеков был резидентом советской разведки в Афганистане, Иране и Турции. Свои воспоминания он написал еще в 1930 году, они вышли под названием «Секретный

террор: записки разведчика».

«Борьба за границей между послом и резидентом выливается иногда в ожесточенные формы. Корень борьбы лежит в двоевластии, создающемся вследствие полной автономности резидента. Страх перед ним служащих за границей сильнее страха перед послом. Посол сам чувствует над собой постоянный контроль и всегда ожидает какой-нибудь пакости со стороны резидента», – отмечал Георгий Агабеков.

В последующие годы эта ситуация только ухудшилась. Спецслужбы могли сломать карьеру любому дипломату, если решали, что ему «нецелесообразно» выезжать за границу. Наркомат иностранных дел, а затем МИД получали отказ на стандартном бланке с грифом «Совершенно секретно». Даже руководители наркомата, а затем министерства иностранных дел могли только гадать, чем не угодил «соседям» тот или иной человек...

Резиденты бдительно следили за послами и о всех промахах докладывали в Москву, что заставляло послов тихо ненавидеть и бояться своих помощников-разведчиков.

Но во времена Агабекова, когда наркомом иностранных дел был Чичерин, дипломаты могли ответить тем же.

«Заместитель председателя ВЧК Уншлихт снабдил меня письмом к управляющему делами Наркоминдела с просьбой устроить на службу, – вспоминает Агабеков. – Несмотря на личное письмо Уншлихта, Наркоминдел меня не принял».

Когда Агабеков уже был резидентом в Афганистане, по-

сол требовал показывать ему все телеграммы, уходявшие в Москву. Потом это стало невозможным. Послы, смирившись, стали придерживаться принципа, что с резидентом не ссорятся.

БРОНИРОВАННЫЙ КУЛАК

1 декабря 1921 года политбюро обсуждало проект нового положения о Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совнаркоме. Проект доработала комиссия в составе Каменева, министра юстиции Курского и Дзержинского. 6 февраля 1922 года президиум ВЦИК утвердил декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов».

Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая подчинялась непосредственно правительству, была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ) при наркомате внутренних дел. Это понижение статуса карательно-ведомства казалось логичным: война закончилась, врагов стало меньше. За пару лет штат ведомства Дзержинского сократился втрое.

На положении Дзержинского это преобразование никак не сказалось, потому что он-то и был наркомом внутренних дел, так что в качестве начальника ГПУ подчинялся сам себе.

Остальным чекистам, особенно работавшим далеко от Москвы, это не понравилось, ведомственная обида взяла верх, и через полтора года, в ноябре 1923-го, ГПУ преобразовали в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) на правах самостоятельного наркомата.

В 1922 году вступил в действие новый Уголовный кодекс. ГПУ лишилось права выносить смертные приговоры и отправлять политических заключенных в административную ссылку. Но Дзержинский все-таки добился для себя права без суда ссылать членов запрещенных политических партий и тех, кого обвиняли в контрреволюционной деятельности.

В 1923 году Дзержинский возглавил ОГПУ и оставил пост наркома внутренних дел. Он по должности входил в Совет народных комиссаров, но с правом совещательного голоса. В каждой республике было собственное ГПУ, которое подчинялось не местному правительству, а непосредственно Москве.

Это была принципиальная линия: госбезопасность не подчиняется местным органам власти, которые всегда были этим недовольны. Партийным секретарям не нравилось, что рядом существует какая-то тайная сила, которая исполняет только команды из Москвы, не дает им отчета в своей деятельности и даже присматривает за ними.

Но попытки местной власти обрести власть над чекистами не удались, потому что ЦК сразу понял цену органам госбезопасности как важнейшему инструменту контроля над

страной.

16 октября 1918 года Ян Петерс, временно исполняя обязанности председателя ВЧК, подписал циркулярное письмо всем губернским комитетам партии:

«За последнее время под слухом массового террора, который проводят всюду Чрезвычайные Комиссии, обывательская масса, мелкая и крупная буржуазия завывала самым настоящим образом. Период террора против буржуазии после покушения на тов. Ленина и убийства тов. Урицкого был единственный, пожалуй, период, когда пролетариат на деле применил этот террор, от резолюции перешел к настоящему его осуществлению.

И вот под влиянием этого страха и воплей пострадавшей буржуазии в целом ряде советских учреждений, среди отдельных советских работников и даже, что очень печально, среди отдельных членов нашей партии начался поход против ЧК.

Начинается подчинение их отделам местного управления, начинаются перевыборы и назначения председателей комиссии, поднимается кампания в газетах и т. д.

Не отрицаю того, что в некоторых комиссиях, главным образом уездных, творятся безобразия, но это не значит, что из-за той или иной комиссии надо обескрылить боевой орган пролетариата.

ЦК нашей партии встал на точку зрения ВЧК, вынеся 2 октября с. г. постановление, что «Чрезвычайные Комиссии

суть органы центральной власти. ВЧК подчинена Совнаркому и ВЦИК, все местные ЧК подчинены ВЧК, а исполкомам подотчетны».

Правда, чуть позже чекистам объяснили, что они не смеют ставить себя выше партийного аппарата.

В декабре 1921 года заместитель председателя ВЧК Уншлихт, начальник секретно-оперативного управления Менжинский и начальник административно-организационного управления Реденс подписали директиву, адресованную местным ЧК:

«Напоминаем, что всякая слежка за ответственными губернскими, областными и центральными партработниками строго воспрещается. Виновные в нарушении этого приказа будут строго караться».

С самого начала стало ясно, что ВЧК мешает развитию экономики страны. Леонид Борисович Красин, уважаемый в партии человек, талантливый инженер, хорошо знавший западную жизнь, пытался после революции наладить внешнеторговые отношения Советской России с внешним миром.

Он писал Ленину 8 ноября 1921 года, что нормальное экономическое сотрудничество с западными державами вполне возможно. Главное препятствие, недвусмысленно объяснил Красин, это деятельность ВЧК:

«Пока некомпетентные и даже попросту невежественные в вопросах производства, техники и т. д. органы и следователи будут гноить по тюрьмам техников и инженеров

по обвинениям в каких-то нелепых, невежественными же людьми изобретенных преступлениях – «техническом саботаже» или «экономическом шпионаже», ни на какую серьезную работу иностранный капитал в Россию не пойдет... Ни одной серьезной концессии и торгового предприятия мы в России не установим, если не дадим каких-то определенных гарантий от произвола ВЧК».

Ленин велел ознакомить с этим письмом всех членов политбюро. Но на этом, как мы теперь знаем, дело и закончилось. Политическому руководству аппарат госбезопасности был важнее внешней торговли.

Тогдашний заместитель наркома юстиции Николай Васильевич Крыленко, которого никто не рискнет назвать большим гуманистом, писал: «ВЧК страшен беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было взгляда».

Крыленко предлагал передать органы госбезопасности в наркомат юстиции, чтобы и на местах чекисты были под контролем губернских юристов.

Дзержинский был, разумеется, категорически против: «Отдача ВЧК под надзор наркомата юстиции роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших «беззакониях»... Это акт не надзора, а акт дискредитации ВЧК и ее органов... ЧК находятся под надзором партии. Введение комиссара Губюста означает фактически перемену курса

против ЧК, так как Губюсты это органы формальной справедливости, а ЧК органы дисциплинированной партийной боевой дружины».

Крыленко продолжал считать, что чекисты нарушают закон. В 1925 году он написал записку в политбюро, в которой отметил, что ОГПУ превышает данные ему полномочия, и предложил «ограничить строго и жестко права ГПУ на внесудебный разбор дел особым совещанием...». Крыленко считал, что прокуратура должна наблюдать за следствием в органах ОГПУ.

Дзержинский вновь с порога отверг предложения Крыленко. Он руководствовался иной логикой: «Текущий политический момент не позволяет сокращать права ОГПУ в борьбе с контрреволюционерами и шпионами».

В этих стычках Дзержинский неизменно выходил победителем. Его ведомство было важнее и наркомата юстиции, и прокуратуры, вместе взятых. Даже недовольство высших партийных начальников ему было не опасно, хотя он должен был как-то реагировать на критику.

В конце 1924 года работу ОГПУ на политбюро критиковал член политбюро, главный редактор «Правды» и, говоря словами Ленина, любимец партии Николай Иванович Бухарин. Дзержинского на заседании не было. Бухарин, чтобы объясниться, написал председателю ОГПУ личное письмо:

«...Так вот, чтобы у Вас не было сомнений, милый Феликс

Эдмундович, прошу Вас понять, что я думаю. Я считаю, что мы должны скорее переходить к более «либеральной» форме Соввласти: меньше репрессий, больше законности, больше обсуждений, самоуправления...

Поэтому я иногда выступаю против предложений, расширяющих права ГПУ и т. д. Поймите, дорогой Феликс Эдмундович (Вы знаете, как я Вас люблю), что Вы не имеете никаких оснований подозревать меня в каких-либо плохих чувствах и к Вам лично, и к ГПУ как к учреждению. Вопрос принципиальный, вот в чем дело...

Так как Вы человек в высшей степени страстный в политике, но в то же время можете быть беспристрастным, то Вы меня поймете. Крепко Вас обнимаю, крепко жму Вашу руку и желаю Вам поскорее поправиться.

Ваш *Н. Бухарин*».

Дзержинский переслал письмо своему заместителю Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому и приписал:

«Такие настроения в руководящих кругах ЦК нам необходимо учесть и призадуматься...

Нам необходимо пересмотреть нашу практику, наши методы и устранить все то, что может питать такие настроения. Это значит, мы (ГПУ) должны, может быть, стать потише, скромнее, прибегать к обыскам и арестам более осторожно, с более доказательными данными; некоторые категории аре-

стов (нэпманство, преступления по должности) ограничить и производить под нажимом или при условии организации за нас общественного партийного мнения; более информировать Московский комитет о всех делах, втягивая плотнее парторганизацию в эти дела».

«ОТДЕЛ ПО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»

18 августа 1919 года решением оргбюро ЦК Дзержинский был утвержден еще и начальником Особого отдела ВЧК, на который возлагался контроль над армией. А с октября 1919-го стал к тому же и председателем военного совета внутренних войск.

Дзержинский считал, что ВЧК должна иметь собственные боевые части. Нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета Республики Троцкий был против: он не считал, что нужно создавать какие-то отдельные армии, лично ему не подчиненные.

Хотя Дзержинский в конце концов настоял на своем, войска ВЧК стали все же находиться под контролем Реввоенсовета Республики, то есть Троцкого. Осенью 1920-го Дзержинский добился того, чтобы сотрудники ВЧК были приравнены по своему положению к бойцам и командирам Красной армии. До того чекисты получали меньшее жалованье, чем военные.

В 1921 году Дзержинский создал отряд особого назначе-

ния, охранявший Ленина, потом Мавзолей Ленина, а также такие важнейшие объекты, как народный комиссариат финансов, Госбанк. Впоследствии отряд был преобразован в дивизию особого назначения имени Дзержинского, существующую, правда под другим названием, и поныне.

ВЧК задумывалась как орган защиты революции и борьбы с особо опасными преступлениями. Но превратилась в инструмент тотального контроля и подавления.

В декабре 1920 года заведующий секретным отделом ВЧК Т.П. Самсонов писал Дзержинскому: «До сих пор ВЧК занималась только разложением православной церкви, как наиболее могущественной и большой, чего не достаточно, так как на территории республики имеется еще ряд не менее сильных религий, каков ислам и пр., где нам также придется шаг за шагом внести то же разложение, что и православной церкви».

21 апреля 1921 года Дзержинский отправил в ЦК протест против ходатайства Наркомпроса, который просил разрешить выезд за границу отдельным деятелям культуры и театрам.

Дзержинский писал: «До сих пор ни одно из выпущенных лиц не вернулось обратно, некоторые, в частности Бальмонт, ведут злостную кампанию против нас. Такое послабление с нашей стороны является ничем не оправданным расхищением культурных ценностей и усилением рядов наших врагов».

3 апреля 1801 года, после убийства императора Павла I

Александр I разрешил свободный выезд за границу. Большевики вновь запретили людям уезжать из страны и возвращаться домой – все только с разрешения органов госбезопасности. 6 июня 1920 года наркомат иностранных дел утвердил инструкцию о заграничных паспортах, которая фактически действовала до 1991 года. «В обстоятельствах исключительного времени» требовалось разрешение Особого отдела ВЧК. Потом выдача паспортов перешла к НКВД.

В 1922 году, побывав у Ленина в Горках, Дзержинский приказал методично собирать сведения обо всех наиболее заметных представителях интеллигенции от писателей и врачей до инженеров и агрономов. Всю информацию он распорядился концентрировать в «отделе по интеллигенции»:

«На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещаемая всесторонне компетентными товарищами... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения...»

Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т. е. внесение в их ряды разложения и выдвигание тех, кто готов без оговорок поддерживать Советскую власть...»

В июне 1922 года на политбюро заместитель председателя ГПУ Уншлихт сделал доклад «Об антисоветских группиров-

ках среди интеллигенции». Было решено создать несколько комиссий, которые должны были составить списки тех, кого следовало выслать за границу. В июле комиссия политбюро в составе члена политбюро Каменева, министра юстиции и тоже Уншлихта свела воедино все предложения и составила общий список. Потом интеллигенцию стали выгонять из страны.

Правда, для некоторых особо ценных специалистов было сделано исключение. В ГПУ под председательством Дзержинского существовала комиссия, которая рассматривала просьбы различных учреждений оставить того или иного специалиста, крайне необходимого для народного хозяйства.

Привычка искать повсюду руку врага, и особенно зарубежного врага, тоже появилась при Дзержинском.

В момент восстания в Кронштадте в газетах было опубликовано правительственное сообщение «Новый белогвардейский заговор!». В нем говорилось, что происходящее в Кронштадте «несомненно подготовлялось французской контрразведкой». Это была ложь, прикрытие для расправы.

Приказ был такой: «Жестоко расправиться с мятежниками, расстреливать без всякого сожаления, пленными не увлекаться». Будущий маршал Тухачевский приказал: «Не позже завтрашнего дня атаковать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» удушливыми газами и ядовитыми снарядами».

Не стоит думать, что верхушка партии не знала реально-

го положения. Расследованием ситуации в Кронштадте занимался особоуполномоченный при президиуме ВЧК Яков Саулович Агранов, видный чекист, которому очень доверял Ленин.

Агранов составил секретный доклад, в котором, в частности, говорилось: «Кронштадтское движение возникло стихийным путем и представляло собой неорганизованное восстание матросской и рабочей массы... Следствием не установлено, чтобы возникновению мятежа предшествовала работа какой-либо контрреволюционной организации среди комсостава или работа шпионов Антанты. Весь ход движения говорит против такой возможности...»

«ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА ВЫ УМРЕТЕ...»

На посту главы карательного ведомства Дзержинский был жесток и беспощаден. Почему?

В юности врач сказал ему, что через три года он умрет от туберкулеза. И с тех пор Дзержинский дорожил каждой прожитой минутой. Бежав из ссылки, он жил в Польских Татрах, в Закопане, и целительный горный воздух помог вылечиться от туберкулеза. Но отношение к жизни осталось прежним.

Доктор экономических наук Отто Рудольфович Лацис, который много писал о Дзержинском, считает так:

– Когда говорят «железный Феликс», то имеют в виду человека, который железной рукой громит врага. А друзья на-

зывали его «железным», имея в виду его чудовищную требовательность к себе и к близким.

У Отто Лациса вызвал ужас эпизод, с умилением описанный племянницей Дзержинского. В самое голодное время, в 1919 году, Феликс Эдмундович забежал в гости к сестре. Худой, изможденный... Сестра, зная его вкусы, испекла ему оладьи. Он скинул шинель, сел за стол и вдруг спрашивает:

– А ты где муку взяла?

Сестра говорит:

– Как где? Муку можно купить только у спекулянтов.

Он возмутился:

– Я с ними день и ночь сражаюсь, а ты...

Схватил оладьи и выбросил в форточку.

Отто Лацис:

– Эпизод восхищения не вызывает. Мог бы оладьи сестре оставить. Но как человек он искренен...

Дзержинский был фанатично предан революции, и этим все объясняется. С того момента, как в семнадцать лет он пришел в революционную деятельность, на свободе он почти не был. Шесть лет провел на каторге и пять в ссылке. Он сидел бы в тюрьмах вечно, но его освободила революция. Его единомышленников пороли розгами, вешали. Разве мог он об этом забыть?

Известный писатель Лев Эммануилович Разгон, прошедший лагеря и не имеющий оснований любить ведомство госбезопасности, напомнил мне о забытом многими факте:

– Сталинский закон от 1 декабря 1934-го, который предусматривал немедленное исполнение смертного приговора, был скопирован с закона, введенного царским премьер-министром Столыпиным. Это он издал закон о военно-полевых судах. Они состояли только из офицеров. Судили сразу после ареста, без прокуроров, защитников и без допроса свидетелей. И приговор приводили в исполнение немедленно. Причем вешали не террористов, которые убивали губернаторов, министров, их всего-то было десятка два. А повесили сотни мужиков, которые пустили красного петуха в помещицьи усадьбы....

Дзержинский не имел оснований быть снисходительным в Гражданской войне к тем, кто держал его и его единомышленников на каторге, поэтому он был беспощаден. И в этой борьбе он не считал себя связанным какими-то нормами морали.

Г.И. Мясников, старый большевик, организатор так называемой «Рабочей группы», в мае 1923 года за критику партийного руководства был арестован и выслан в Берлин. То есть все его преступление состояло в том, что он, будучи большевиком, не соглашался с какими-то действиями партийного руководства. Этого оказалось достаточно для того, чтобы его сторонников, входивших в «Рабочую группу», посадили.

В Москве думали, что, оказавшись в эмиграции, Мясников перестанет заниматься политикой. Но он, напротив, про-

должал активно выступать и критиковать советское партийное руководство. Тогда было решено заставить его замолчать.

7 сентября 1923 года Дзержинский отправил письмо полпреду в Германии Крестинскому:

«Прошу Вас по возможности лично вызвать Мясникова к себе и объявить ему об отмене высылки и разрешении ему вернуться в пределы СССР.

Отмена высылки совершена ввиду того, что пребывание Мясникова в Германии является нежелательным вследствие развитой им антипартийной и антисоветской работы и установления им контакта с левым крылом германской компартии. Необходимость непрямого возвращения Мясникова в СССР признана руководящими кругами.

Просьба к Вам: принять все меры к тому, чтобы Мясников выехал немедленно обратно в Совроссию. Из беседы с Вами у Мясникова должно создаться впечатление, будто вопрос о репрессиях против него отпал».

Мясников угодил в расставленную ему ловушку и с радостью вернулся на родину. Ему обещали, что ЦК проведет с ним переговоры и он сможет нормально работать. Он и предположить не мог, что его просто обманывают.

19 ноября 1923 года Дзержинский писал Молотову:

«Считаю пребывание Мясникова на свободе сугубо опасным. Во-первых, для всех это непонятно и является доводом, что ЦК боится его или чувствует свою неправоту в от-

ношении «Рабочей группы». Затем Мясников, вернувшись сюда и не находя того, за чем сюда приехал (переговоров и договора с ЦК), теряет всякую почву и, будучи психически неуравновешенным, может выкинуть непоправимые вещи...

Поэтому я думаю, что Мясников должен быть арестован. О дальнейшем необходимо решить после его ареста. Думаю, что надо будет его выслать так, чтобы трудно было ему бежать».

Так и было сделано. Мясникова арестовали и упрятали за решетку...

Дзержинского называли святым убийцей. Да, это так, он был очень противоречивый человек, а вовсе не одномерная личность, какой его представляют. В нем странно сочеталось стремление к добру и способность творить зло.

Он служил революции. Но, по мнению Отто Лациса, он предпочел бы работать не в ВЧК, а в Высшем совете народного хозяйства, который он возглавил в 1924 году.

Дзержинский не руководил подавлением Кронштадтского мятежа и антоновского восстания, хотя это ему по должности полагалось. В этих самых позорных и кровавых карательных деяниях он не участвовал. За него все сделали другие...

Сохранился датированный 11 июня 1921 года приказ полномочной комиссии ВЦИК, отправленной в Тамбов для ликвидации антоновского восстания:

«1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. В селениях, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в которой скрывается бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель полномочной комиссии ВЦИК *Антонов-Овсеенко*.

Командующий войсками *Тухачевский*».

Академик Александр Николаевич Яковлев, которому не только собственный опыт работы в политбюро, но и руководство Комиссией по реабилитации жертв политических ре-

прессий помогает лучше осмыслить особенности сознания этих людей, говорил мне:

– Если пытаться понять Ленина, Троцкого, Сталина и других руководителей, то ключевое слово – власть. Есть люди, для которых власть – это все. И на пути к власти люди пренебрегают своим достоинством, чужими страданиями. Они оседлали идею строительства коммунизма счастливого общества. Хотите быть счастливыми? А кто не хочет. Значит, надо идти на жертвы. Сказали: достичь этой цели надо любыми средствами... Вот пятнадцать миллионов в Гражданскую и погибло. К примеру, заложничество: детей брать от родителей в заложники – нормальный ум может такое придумать?

Сидя в тюрьме в ожидании каторги, Дзержинский писал: «Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно... И тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня органическая необходимость».

Вот какую характеристику дал Дзержинскому один из ближайших его соратников Мартын Иванович Лацис (настоящее имя Ян Фридрихович Судрабс), фигура сама по себе примечательная. В 1918–

1921 годах он являлся членом коллегии ВЧК, возглавлял секретно-оперативный отдел этого учреждения и Чрезвычайную комиссию на Украине. Отличался беспримерной же-

стокостью. После того как вместе с Дзержинским стал заниматься промышленностью, ведал Главсолью, работал в наркомземе, руководил Институтом народного хозяйства имени Плеханова. В 1938-м был расстрелян.

Мартын Лацис так писал о своем начальнике: «Феликс Дзержинский не просто организатор, не просто председатель ВЧК. Его натура не довольствуется только руководством. Он сам жаждет действовать. И мы нередко видели, как он сам допрашивает обвиняемого и роется в изобличительных материалах. Его настолько захватывает дело, что он просиживает ночи в помещении ВЧК. Ему некогда сходить домой. Он спит тут же, в кабинете за ширмой. Он и столуется тут же, курьер приносит ему еду, какой питаются все сотрудники ВЧК».

Дзержинский не был патологическим садистом, каким его часто изображают, кровопийцей, который наслаждался мучениями своих узников. Он не получал удовольствия от уничтожения врагов, но считал это необходимым. А после окончания Гражданской войны сам сдерживал карательную деятельность своих подчиненных.

17 января 1920 года ВЦИК и Совет народных комиссаров по предложению Дзержинского приняли решение «отменить применение высшей меры наказания (расстрелы) как по приговорам ВЧК и ее местных органов, а так же и по приговорам трибуналов».

Через месяц, 28 февраля, Дзержинский подписал приказ

президиума ВЧК № 21:

«Прежде чем арестовывать того или иного гражданина, необходимо выяснить, нужно ли это. Часто можно не арестовывая вести дела, избрав мерой пресечения: подписку о невыезде, залог и т. д. и т. п., а дело вести до конца. Этим ЧК достигнет того, что будут арестованы только те, коим место в тюрьме, и не будет ненужной и вредной мелочи, от которой только одни хлопоты, загромождение ЧК, что лишает ЧК возможности заниматься серьезным делом...»

8 января 1921 года Дзержинский подписал приказ «О карательной политике органов ЧК»:

«Держать в тюрьме толпы крестьян и рабочих, попавших туда за мелкие кражи или спекуляцию, недопустимо... Если заставить проворовавшегося рабочего вместо тюрьмы работать на своем же заводе, то такое пребывание на всем честном народе, который будет ждать: украдет Сидоров или Петров еще раз, опозорит он опять завод или станет настоящим сознательным товарищем, такой порядок будет действовать гораздо сильнее и целесообразнее, чем сидеть под следствием и судом. Рабочая среда сумеет выправить слабых, мало-сознательных товарищей, а тюрьма их окончательно искалечит». Одновременно Дзержинский отправил в ЦК письмо:

«ВЧК полагает возможным отменить высшую меру наказания по всем политическим преступлениям, за исключением террористических актов и открытых восстаний. В области уголовных преступлений ВЧК считает необходимым приме-

нять высшую меру наказания к бандитам и шпионам, но в особенности настаивает на сохранении высшей меры наказания для тех должностных преступлений, которые резким образом препятствуют Советской власти восстановить производительные силы РСФСР...

Относительно тюремной политики ВЧК издала приказ № 10 от 8 января с. г., в основу его лег принцип создания специального режима для буржуазии и передача рабочих на поруки заводских комитетов. Причем особенное внимание обращено на то, что ЧК прибегала к арестам лишь в случаях действительной необходимости.

Кроме того, приказом № 186 от 30 декабря прошлого года ВЧК указывает, что арестованные по политическим делам члены разных антисоветских партий должны рассматриваться не как наказуемые, а как временно, в интересах революции, изолируемые от общества, и условия их содержания не должны иметь карательного характера».

После Гражданской войны масштабы репрессий действительно сократились. Но жестокость, ничем не сдерживаемая, широко распространилась в аппарате госбезопасности. Тем более, что беспощадность поощрялась с самого верха. За либерализм могли сурово наказать, за излишнее рвение слегка пожурить.

Ленин писал председателю Петроградского совета Григорию Евсеевичу Зиновьеву после убийства комиссара по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда Володарско-

го: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример ко- его решает».

Ленин приказывал и брать заложников. Эту идею охотно брали на вооружение.

Заместитель председателя ВЧК Ян Петерс приказал арестовывать жен и всех взрослых членов семей офицеров, которые из Красной армии перешли на сторону Белой армии.

Каждый город в первые годы сам решал, кого арестовывать и расстреливать. ЧК вместе с партийной властью хватала бывших офицеров, иностранцев, подозреваемых в шпионаже.

Для расстрела было достаточно одних только анкетных данных. По телефонным и адресным книгам составлялись списки капиталистов, бывших царских сановников и генералов, после чего всех поименованных в них лиц арестовывали.

Николай Иванович Бухарин, который считался самым либеральным из большевистских руководителей, писал в 1920 году: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Многое зависело от местных руководителей ЧК. Кто-то из них многое сделал для того, чтобы обуздать преступность.

ЧК боролись и со взяточничеством – преступлениями по должности, как это тогда называлось. Взятки сразу же после революции и в 20-х годах брали везде.

Сурово относились и к самим чекистам, совершившим преступления, например в тех случаях, когда они пытались присвоить деньги, конфискованные при обысках. В сотрудники ЧК нередко попадали весьма сомнительные люди, в том числе и совершенно малограмотные.

В учетной карточке одного из председателей Петроградской ЧК Семена Семеновича Лобова в графе «Образование» было написано: «Не учился, но пишет и читает». Это не мешало его успешной карьере. Лобов пошел в гору после того, как в одну ночь арестовал в Петрограде три тысячи человек. Стал членом оргбюро ЦК и наркомом пищевой промышленности. В октябре 1937 года был расстрелян.

ЖЕРТВОЙ МОГ СТАТЬ ЛЮБОЙ

8 июля 1919 года ВЧК по обвинению в участии в контрреволюционной белогвардейской организации арестовала главнокомандующего Вооруженными силами Советской России Иоакима Вацетиса. Бывший полковник царской армии, он сразу же перешел на сторону советской власти. В 1918-м сформировал Латышскую дивизию, что уже само по себе немалое дело: ведь латышские стрелки считались самым надежным отрядом революции. Особо отличился Ваце-

тис при подавлении мятежа левых эсеров. В Гражданскую командовал Восточным фронтом. 6 сентября 1918 года был назначен главнокомандующим Вооруженными силами республики. Но через год его арестовали. Поскольку выдвинутые против него обвинения не подтвердились, его освободили. И все же ему не удалось избежать судьбы многих других военачальников: в 1938-м командарма второго ранга Вацетиса расстреляли.

В марте 1921 года в ЦК пришло заявление от коммунистов – сотрудников Кушкинского отделения Особого отдела Туркестанского фронта. Это был поразительный документ:

«Коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в движение автоматически. Даже механически мыслит, так как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить. Он не может свободно высказать свои взгляды, излить свои нужды, так как за все грозят расстрелом...

Благодаря долгому пребыванию в карательных органах, благодаря однообразной, черствой, механической работе, которая только заключается в поиске преступников и в уничтожении, они постепенно против своей воли становятся индивидами, живущими обособленной жизнью.

В них развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т. д., и они постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей

партийной семьи, образуя свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов... Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии...»

При этом чекисты не в состоянии были совладать с настоящей преступностью.

Ольга Львовна Барановская-Керенская, первая жена главы Временного правительства Александра Керенского, которая впоследствии тоже уехала, оставила воспоминания о послереволюционной России. Вот как описала зиму 1919/20 года:

«В городе начались ограбления квартир и убийства. Прислуги почти никто уже, кроме коммунистов, не держал, дворники были упразднены, охранять дома и квартиры было некому...

Мы понимали, что все идет прахом и цепляться за вещи незачем, что надо только стараться сохранить жизнь, не быть убитыми грабителями, не умереть с голоду, не замерзнуть... В течение нескольких месяцев, а может быть, и больше, пока дети не достали мне чугунную печку, я жила, не раздеваясь, и никогда не спала на кровати...

В голове никаких мыслей и никаких желаний, кроме мучительных дум о том, что еще продать и как и где достать хоть немного хлеба, сахара или масла... Тротуаров уже не было, и не было ни конного, ни трамвайного движения (лошади все были съедены), улицы не чистились, снег не сгре-

бался, по улицам плелись измученные, сгорбившиеся люди. И как горькая насмешка на каждом шагу развевались огромные плакаты: «Мы превратим весь мир в цветущий сад».

В марте 1919 года сотрудник наркомата по иностранным делам, оказавшийся на Украине, написал возмущенное письмо своему непосредственному начальнику – наркому Чичерину и, прекрасно понимая пределы его компетенции, непосредственно Ленину. Он попал на заседание украинского правительства, где обсуждалась судьба двух сотрудников Всеукраинской чрезвычайной комиссии, и это стало поводом для обсуждения ситуации в чекистском ведомстве:

«Эти третьестепенные персонажи позволили себе утаить известную сумму казенных денег, были повинны в мелком взяточничестве и в мелком вымогательстве в то время, как в учреждении, в котором работали эти «стрелочники», все насквозь пропитано уголовщиной, хулиганством, полнейшим произволом и безответственностью опытных негодяев...

Перед собранием предстала возмутительнейшая картина диктатуры этого официально подчиненного учреждения – картина полного игнорирования им всех законов и распоряжений правительства.

В продолжение долгого времени наркомюст Хмельницкий тщетно добивался от ВЧК сведений о содержащихся в заключении и о расстрелянных по постановлениям ЧК...

Оказалось, что более половины «дел» о лицах, давно уже содержащихся под стражей, заключали в папке лишь приказ

об аресте. Никакими способами ни Хмельницкому, ни самим руководителям ЧК не удалось установить мотивов ареста подавляющего большинства заключенных...

Между тем ЧК оказывает сильнейшее сопротивление малейшей попытке разгрузить тюрьмы от лиц, которым упорно не предъявляется никакого обвинения, а предъявить обвинения большинству никак не может, запутавшись в густых сетях произвольных и совершенно беспричинных арестов, произведенных ее агентами...

В Екатеринославе вооруженные с головы до ног люди от имени ЧК, комендатуры города, уголовно-розыскной милиции и других учреждений производят обыски, аресты, подбрасывают фальшивые деньги, напрашиваются на взятки, шантажируют этими взятками, заключая в тюрьму тех, кто эту взятку дал, чтобы в конце концов освободить человека из-под страха смерти за удесятеренную или удвадцатеренную взятку...

В Екаринославе повторилось то, что имело уже место и в других областях: восторженно встретившее наши войска население, с нетерпением ждавшее наступления благоприятных перемен с организацией Советской власти, к величайшему нашему несчастью видит лишь активность Чрезвычайной Комиссии, которая, очевидно, призвана разочаровывать окрыленное надеждами измученное население...»

К концу эпохи Дзержинского госбезопасность старалась контролировать все стороны жизни общества.

В 1926 году заместитель Дзержинского Генрих Григорьевич Ягода подписал циркуляр, запрещающий публиковать сведения о маршрутах поездок и местах выступлений членов правительства и ЦК. ОГПУ было недовольно тем, что некоторые редакции посылали не только репортеров, но и фотографов: «Появление заранее этих сведений в печати облегчало работу всякого рода шпионов и крайне затрудняло работу по охране членов правительства».

ОГПУ постановило:

«Всякая посылка репортеров, фотографов и им подобных работников вслед за отъезжающими членами правительства, как равно и в месте пребывания их вне Москвы, без специальной визы ОГПУ (отдел политконтроля) запрещается.

Редакции, посылающие своих работников без визы ОГПУ, будут подвергаться штрафу, а репортеры, фотографы и пр. аресту».

Председатель Всероссийского союза журналистов Михаил Андреевич Осоргин был арестован, когда он вошел во Всероссийский комитет помощи голодающим Поволжья. Следователь задал ему обычный в те годы вопрос:

– Как вы относитесь к советской власти?

– С удивлением, – ответил Осоргин, – буря выродилась в привычный полицейский быт.

МОНЕТАРИСТ И РЫНОЧНИК

В 1922 году на съезде транспортников выступал Феликс Эдмундович Дзержинский. Он говорил:

«Полагают некоторые товарищи, что если напечатать достаточное количество денег, то это разрешило бы стоящие перед нами проблемы. Но это глубочайшее заблуждение, это иллюзия, ибо печатный станок только тогда в условиях нашей новой экономической политики может себя оправдать, если он станет печатать такое количество денег, какое необходимо для товарообмена между городом и деревней, между одной отраслью промышленности и другой, между транспортом и промышленностью.

Но если в стране нет хлеба, если нет готовых изделий, то никакая напечатанная бумажка не может этого хлеба, этих изделий создать. Необходимо создать листовое железо, необходимо отлить чугун, необходимо возделывать поля, сжать и смолоть хлеб для того, чтобы печатный станок мог выполнить свою миссию...»

Читая сейчас эти слова, можно подумать, что это выступает современный либеральный экономист, а не председатель ГПУ. После окончания Гражданской войны работа в госбезопасности отходит у Дзержинского на задний план.

В эти годы Дзержинский выполнял безумное количество обязанностей: он был председателем Главного комитета по

всеобщей трудовой повинности, председателем комиссии по борьбе со взяточничеством, председателем комиссии по улучшению быта московских рабочих, председателем общества друзей кино, председателем комиссии по улучшению жизни детей, председателем комиссии по пересмотру структуры всех ведомств СССР, членом президиума общества изучения проблем межпланетных сообщений...

Но все это были второстепенные должности. В большой политике Дзержинский не преуспел. Он так и не стал членом политбюро, остался кандидатом, менее авторитетные в партии люди легко обошли его. По непонятным причинам Ленин не особо его жаловал и не выдвигал в первый ряд.

В апреле 1920 года Дзержинского отправили на Украину руководить борьбой с бандитизмом. Несколько месяцев он был начальником тыла Юго-Западного фронта. Он страдал от нервного и физического переутомления, ему предписали курс лечения.

26 июня 1920 года он писал Ленину из Харькова:

«Дорогой Владимир Ильич!

Спешу ответить, что я не подчинился только букве предписания ЦК, я не на даче, но я усиленно лечусь водолечением. Врачи нашли только нервное переутомление, а все остальное в полном порядке, в том числе и легкие. И я лечусь усердно – желая еще поработать...

С Махно мне не везет. С ним можно было скоро расправиться, имея конницу. У меня ее не было. Только теперь уда-

ется мне сколотить полк из эскадронов, которые удалось вы-
клянчить. Надеюсь через неделю пустить этот полк в дей-
ствие.

Я хотел бы, чтобы ЦК решил, как долго мне здесь оста-
ваться. Мое пребывание здесь усиливает темп работы ЧК,
и мне кажется, что дальнейшее пребывание необходимо. Но
из Москвы т. Ксенофонтов и другие по ВЧК и Главкомтруду
жалуются, что я слишком засиделся на Украине и от этого
там работа страдает. Мне самому трудно решить. Я думаю
побыть здесь еще недели две, потом на неделю вернуться в
Москву, чтобы затем приехать сюда обратно. Буду ждать ре-
шения ЦК».

Секретарь ЦК Крестинский по просьбе Ленина сообщил
Дзержинскому: «Ждем Вас в Москву к пленуму, здесь, ве-
роятно, придется пробыть недели две (пленум, Интернаци-
онал, совещание Комтрудов), потом можете вернуться на
Украину».

Ленин, надо понимать, исходил из того, что в Москве он
может обойтись без Феликса Эдмундовича.

Троцкий вспоминал позднее:

«Дзержинский отличался глубокой внутренней честно-
стью, страстностью характера и импульсивностью. Власть не
испортила его. Но этих качеств не всегда хватало для тех
задач, которые на него ложились. В эпоху Ленина не могло
быть и речи о включении его в политбюро...

Самостоятельной мысли у Дзержинского не было. Он сам

не считал себя политиком, по крайней мере при Ленине. По разным поводам он неоднократно говорил мне: «Я, может быть, неплохой революционер, но я не вождь, не государственный человек». В этом была не только скромность. Самооценка была верна по существу. Политически Дзержинский всегда нуждался в чем-нибудь непосредственном руководстве...

В 1921-м или, может быть, в 1922-м Дзержинский, крайне самолюбивый, жаловался мне с нотой покорности к судьбе в голосе, что Ленин не считает его политической фигурой. «Он не считает меня организатором, государственным человеком», — настаивал Дзержинский.

Ленин был не в восторге от работы Дзержинского на посту наркома путей сообщения. Дзержинский действительно не был организатором в широком смысле слова. Он привязывал к себе сотрудников, организовывал их своей личностью, но не своим методом... В 1922 году Орджоникидзе и Дзержинский чувствовали себя неудовлетворенными и в значительной степени обиженными. Сталин немедленно подобрал обоих».

Троцкий несколько раз в своих книгах, написанных уже в эмиграции, возвращался к личности Феликса Эдмундовича:

«В течение двух-трех лет Дзержинский особенно тяготел ко мне. В последние годы поддерживал Сталина. В хозяйственной работе он брал темпераментом: призывал, подталкивал, увлекал. Продуманной концепции хозяйственного

развития у него не было...

Охлаждение между Лениным и Дзержинским началось тогда, когда Дзержинский понял, что Ленин не считает его способным на руководящую хозяйственную работу. Это, собственно, и толкнуло Дзержинского на сторону Сталина. Тут уж Ленин счел нужным ударить по Дзержинскому как по опоре Сталина».

Троцкий, скорее, ошибался: Дзержинский не был в прямом смысле человеком Сталина. Просто ОГПУ по указанию партии вело борьбу с оппозицией. В 1923 году Дзержинский предложил вменить в обязанность всем членам партии сообщать органам госбезопасности о любых фракционных выступлениях. Это было воспринято с энтузиазмом. Недостатка в доносах не было.

Дзержинский жестко критиковал Зиновьева и Каменева, потому что не разделял их экономическую программу, предусматривавшую использование жестких административных мер вместо экономических рычагов. Он еще не знал, что их программа вскоре станет линией Сталина. До этого Дзержинский не дожил.

Отношение Ленина к Дзержинскому совсем испортилось в 1922 году. Ленин назначил его председателем комиссии, которая должна была разобраться с жалобами грузинских коммунистов на первого секретаря Закавказского крайкома Серго Орджоникидзе, который попросту ими командовал, не допуская самостоятельности, и, ведя себя очень грубо, даже

ударил члена ЦК компартии Грузии Кабахидзе, который назвал его «сталинским ишаком». Кабахидзе подал жалобу. Но ходу ей не дали.

Начальник сталинской канцелярии Амаяк Назаретян написал другу Серго, что Матвей Шкирятов, председатель Центральной комиссии по проверке и чистке рядов партии, «хохотал и говорил: жаль, мало попало, только один раз ударил!».

Грузины предлагали, чтобы Грузия напрямую входила в состав СССР, минуя ненужную надстройку – Закавказскую Федерацию, как это и произошло потом. Дзержинский решительно встал на сторону Орджоникидзе. Феликс Эдмундович был против всего, что можно толковать как национализм и сепаратизм.

Прочитав доклад комиссии, Ленин зло обвинил Дзержинского вместе со Сталиным и Орджоникидзе в великорусском шовинизме, добавив обидное: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения».

Ленин распорядился перепроверить все материалы комиссии Дзержинского «на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются». И приписал: «Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Уже стоял вопрос о том, чтобы снять Дзер-

жинского, но Ленину внезапно стало крайне плохо – его частично парализовало, он потерял речь, и на этом все закончилось.

После смерти Ленина комиссию по увековечению памяти вождя возглавил Дзержинский. Именно он поставил вопрос о том, что надо сохранить облик Ленина и после смерти. Дзержинский говорил, что уж если царей бальзамировали, то не забальзамировать Ленина – преступление. Под руководством Дзержинского в сжатые сроки был построен первый мавзолей.

Похороны Ленина, что бы мы сейчас о нем ни думали, были тогда событием огромного политического значения. В записках моего дедушки, Владимира Михайловича Млечина, который учился тогда в Москве в Высшем техническом училище, позже получившем имя Баумана, я нашел описание этого дня:

«27 января я пришел на Красную площадь, где пылали костры. У костров грелись милиционеры, их было очень мало, красноармейцы, тоже немногочисленные, люди, которые пришли попрощаться с Лениным.

Кто догадался в те дни привезти топливо и в разных местах разложить костры? Это был человек, сам достойный памятника. И не только потому, что спас от обморожения сотни, а может быть, тысячи и тысячи человек. Он показал наглядно, что должно делать даже в такие минуты, когда все текущее, бытовое, житейское кажется неважным, преходя-

щим, третьестепенным.

К Колонному залу, потом на Красную площадь мы двинулись вдвоем с Мироном Борисовичем Вольфсоном. Революционер старого закала, он не то дважды, не то трижды убегал из гиблой верхоянской ссылки через сотни километров нехоженой тайги, где не было ни угрева, ни укрытия.

Мы жили в одном доме, часто играли в шахматы, вечерами ходили по кольцу «Б» – тогда это означало обойти почти вокруг всей Москвы. Когда я выразил сомнение, что, может быть, на Красную площадь и не удастся попасть, слишком много будет народу, да и мороз жестокий, Мирон Борисович иронически посмотрел на меня: чего же ты, мол, стоишь, если в двадцать два года боишься московской стужи?

На Красную площадь мы попали. Народу было много, но никакой давки, никакого беспорядка. И милиции-то было мало. Порядок как-то складывался сам по себе. Это были не толпы, шли тысячи и тысячи граждан, и каждый инстинктивно знал свое место, не толкаясь, не напирая на других, не пытаясь проскочить вперед.

Такого, как будто никем не организованного, естественно сохранявшегося порядка я после этого уже никогда не видел ни на парадах, ни во время демонстраций, которые с каждым годом поражали все большим числом блюстителей порядка и все меньшей внутренней дисциплиной и самоорганизацией масс. Людей с жестоким упорством отучали самостоятельно двигаться по жизни... И по улице тоже».

В роли наркома внутренних дел, а Дзержинский занимал этот пост четыре года (с 30 марта 1919-го до начала июля 1923-го), он мало себя проявил: был полностью занят ВЧК. Зато успешно работал наркомом путей сообщения (с апреля 1921-го по февраль 1924-го) и особенно блестяще на посту председателя Высшего совета народного хозяйства СССР (с 1924 года и до смерти).

Из Дзержинского-чекиста получился прекрасный хозяйственник, хотя у него не было экономического образования.

В письме Ленину от 10 апреля 1922 года, опубликованном после перестройки, Дзержинский пишет: «Я не политик и не экономист» – и называет себя всего лишь «администратором». Дзержинский писал Ленину, что реформа на транспорте требует поставить во главе наркомата путей сообщения «авторитетного и смелого политика-экономиста... Я к этой роли не гожусь, не будучи ни политиком, ни экономистом».

Феликс Эдмундович недооценивал себя.

– Дзержинский был очень способный человек, с блестящим экономическим чутьем, фантастической работоспособностью, хотя и без высшего образования. По взглядам – свехрыночник. Он был ярким врагом эмиссии и распределительной деятельности, – рассказывал мне Отто Лацис.

Доктор экономических наук Лацис написал книгу о работе Дзержинского в промышленности. Он пишет, что, когда Дзержинский пришел в наркомат путей сообщения, то на-

чал с того, что призывал на помощь всех старых специалистов. Своим заместителем сделал человека, который занимал этот пост при царе. До Дзержинского считалось, что поезда стоят, потому что не хватает паровозов. Когда же грохнули остатки золотого запаса на закупку мощных локомотивов, то оказалось, что мосты эти мощные паровозы не выдержат. Начинать надо было с путей, разрушенных по всей стране.

Он понял, что на мизерную зарплату железнодорожник прожить не может и бороться с воровством и взятками надо путем повышения зарплаты. За два года он сумел добиться своего: железнодорожники стали жить прилично по тем временам.

Когда Алексей Иванович Рыков стал главой правительства, Дзержинский занял его место председателя Высшего совета народного хозяйства.

Отраслевых наркоматов тогда не было: они возникли в 1932 году, и ВСНХ, подразделявшийся на главные управления, занимался всей промышленностью. Дзержинский руководил еще и Главметаллом, замещенным в последующую эпоху примерно полутора десятками министерств черной металлургии, цветной металлургии, машиностроения, приборостроения – словом, всего, что связано с металлом и изделиями из него.

Расцвет нэпа пришелся на тот момент, когда промышленностью руководил Дзержинский. Он понимал, что в экономике надо действовать экономическими методами, хотя ча-

сто возникало ощущение решить любую проблему с помощью ОГПУ.

28 марта 1923 года Дзержинский писал своему заместителю по ОГПУ Генриху Ягоде:

«На почве товарного голода НЭП, особенно в Москве, принял характер ничем не прикрытой, для всех бросающейся в глаза спекуляции, обогащения и наглости. Этот дух спекуляции уже перебросился и в государственные, и в кооперативные учреждения и втягивает в себя все большее количество лиц вплоть до коммунистов. Этому надо положить конец».

Дзержинский приказал Ягоде подготовить доклад в ЦК и принять ряд мер:

«1. Выселение из крупных городов с семьями... 2. Конфискация имущества и выселение из квартир. 3. Ссылка с семьями в отдаленные районы и в лагеря – колонизация ими безлюдных районов...»

Сталину Дзержинский обещал: «Я уверен, что в месячный срок мы оздоровим Москву от этих элементов и что это скажется, безусловно, на всей хозяйственной жизни».

Политбюро приняло предложение Дзержинского, и началась кампания выселения из Москвы. Она прекратилась решением политбюро в марте 1924 года – об этом попросил нарком финансов Сокольников. Репрессии мешали наркомату финансов проводить валютные операции.

Феликс Эдмундович привлекал спецов и вовсе не видел в

них врагов, которых надо давить. Напротив, радовался, что они оценили успехи советской власти. Самых толковых чекистов Дзержинский перевел к себе в ВСНХ не врагов народа искать, а в промышленности работать.

Отто Лацис:

– Дзержинский пришел в ВСНХ не зная ничего, но стал слушать знающих людей, вникал. Ждали: сейчас придет чекист, железная рука, всех разгонит. А он собрал руководителей промышленности и сказал: «Помогайте, я пришел учиться».

Он сразу выступил против государственного монополизма и взвинчивания цен. Монополия очень удобна для производителя: назначил любую цену, и покупателю деваться некуда. При капитализме конкуренция мешает взвинчивать цены, а при советской власти кто может помешать?

Но случилось непредвиденное: промышленную продукцию никто не покупал. Деревня обеднела, и у нее просто не было денег. Снижать цены промышленность не хотела, добивалась государственного заказа. Но у государства денег тоже не было. Это был кризис сбыта, пришедшийся на 1922–1924 годы. А если точнее, кризис, вызванный неумением торговать.

Дзержинский жаловался в политбюро: «Цены не являются, как раньше, критерием для оценки, так как они определяются Госпланом и в других кабинетах «на кофейной гуще». Рынка же у нас нет».

При капитализме тот, кто взвинтил бы непомерно цены, разорился бы. А при социализме в результате такой политики разориться может только само государство.

Сельское хозяйство было тогда частным, и Дзержинский предупреждал: государство рухнет, если будете так драть с крестьянина. И сами рухнем...

Склады были забиты, машины не продавались. И лишь после того, как Дзержинский добился, чтобы цены стали рыночными, произведенные за год машины распродали за несколько недель.

Он на практике применял сугубо рыночные методы. Ленин заявил, что социализм – это советская власть плюс электрификация всей страны. Дзержинский же утверждал, что при проведении политики следует исходить из формулы «советская власть плюс рынок».

Феликс Эдмундович был крайне эмоциональным человеком. Для исполнения министерских обязанностей ему не хватало терпения, цинизма и некоего равнодушия, которые спасают профессиональных чиновников от перегрузок.

3 августа 1923 года Дзержинский, после столкновения на заседании Совета труда и обороны (СТО) с Рыковым, написал сгоряча письмо Сталину, жалуясь на отношение к нему членов правительства:

«В обстановке борьбы, полного игнорирования и недоверия ко мне со стороны председателя и членов СТО я работать не в состоянии по физическим своим свойствам – эти

свойства Вам известны. Я не гожусь в государственные люди, а потому моя просьба – снять меня с наркомпутевства, со СТО и СНК, или оставить в НКПС в должности члена коллегии, или, если это невозможно, совершенно меня убрать оттуда, поручив заняться целиком ГПУ».

Это письмо Дзержинский, остыв, все-таки отправлять не стал.

За три недели до смерти Дзержинский написал личное письмо члену политбюро и заместителю главы правительства Валериану Владимировичу Куйбышеву.

Он признавался, что не знает, что делать. Его выступления против существующих порядков помогут оппозиции, а этого он не хочет. Но если ничего не делать, «страна найдет своего диктатора – похоронщика революции, – какие бы красные перья ни были на его костюме. Все почти диктаторы ныне бывшие красные – Муссолини, Пилсудский.

От этих противоречий устал и я.

Я столько раз подавал в отставку. Вы должны скорее решить. Я не могу быть председателем ВСНХ при таких моих мыслях и муках. Ведь они излучаются и заражают. Разве ты этого не видишь? Я так, ей-ей, не могу быть в ВСНХ. Я умоляю вас всех снять меня и поставить своего человека, т. е. такого, которому не пришлось бы испытывать столько сопротивления по всякому вопросу».

И Дзержинский приписал поразительную для председателя ОГПУ фразу: «Мне уже стало так тяжело постоянно быть

жестким хозяином».

В политическом смысле он находился между двумя лагерями. Он был против оппозиции, потому что Каменев и Зиновьев взяли на вооружение прежние троцкистские лозунги, которые двумя годами позднее стали лозунгами Сталина.

Оппозиция предлагала раздеть крестьянина: больно богат стал. Дзержинский отвечал им: разденете крестьянина – сами останетесь без штанов.

Но он не принадлежал и к сталинскому лагерю. Чувствовал, что чужой и тем и другим. Если бы он прожил еще два года, его записали бы в правые вместе с Бухариным. В сталинском окружении его не считали своим.

Молотов – уже на пенсии – объяснял своему преданному биографу Феликсу Чуеву: «Дзержинский, при всех его хороших, замечательных качествах – я его лично знал очень хорошо, его иногда немножко слащаво рисуют, – и все-таки он, при всей своей верности партии, при всей своей страстности, не совсем понимал политику партии».

Феликс Эдмундович безумно много работал, совсем не умел наслаждаться жизнью. До революции жил очень скудно, не позволяя себе тратить партийные деньги на личные удовольствия, хотя другие революционеры, оказавшиеся за границей, начиная с Ленина, жили очень недурно. И после революции заставлял себя думать только о работе. Даже не ходил в театры и кино, чтобы не отвлекаться от дела.

Вот как писал об этом Троцкий:

«Дзержинский был человеком великой взрывчатой страсти. Его энергия поддерживалась в напряжении постоянными электрическими разрядами. По каждому вопросу, даже и второстепенному, он загорался, тонкие ноздри дрожали, глаза искрились, голос напрягался и нередко доходил до срыва. Несмотря на такую высокую нервную нагрузку, Дзержинский не знал периодов упадка или апатии. Он как бы всегда находился в состоянии высшей мобилизации.

Дзержинский влюблялся нерассуждающей любовью во всякое дело, которое выполнял, ограждая своих сотрудников от вмешательства и критики со страстью, с непримиримостью, с фанатизмом, в которых, однако, не было ничего личного: Дзержинский бесследно растворялся в деле».

Отношения с женой у Дзержинского были не лучшие. Семейная жизнь не удалась. Засиживаясь за полночь с бумагами, он часто просил постелить ему в кабинете.

Нами Микоян, невестка Анастаса Ивановича, после войны жила в Кремле, где все еще находились квартиры руководителей страны. Там же обитала и вдова Дзержинского – Софья Сигизмундовна, «суховатая, строгая, подтянутая». Она регулярно ходила на партийные собрания в организацию, которая включала неработающих членов семей, а также сотрудников прачечной и горничных с воинскими званиями (все они были сотрудниками госбезопасности). «Была Софья Сигизмундовна уже пожилой, но энергичной. Рассказывала о дореволюционном прошлом, – вспоминает Нами Ми-

коян. – Она строго, нравоучительно излагала свои мысли о том, что девушку с юности нужно учить домашнему хозяйству, труду...»

Дзержинский был человеком больным. Его здоровье было подорвано тюрьмой и каторгой. В последние годы жизни его постоянно наблюдали врачи. Он жил на даче рядом со своим заместителем Менжинским. Они вместе ездили на курорты в Крым, в Кисловодск. От обильной еды Дзержинский даже как-то располнел и обрюзг.

Советская власть организовала своим вождям усиленное питание.

14 июня 1920 года Малый Совнарком утвердил «совнаркомовский паек». Ответственным работникам ЦК полагалось на месяц (в фунтах, один фунт – четыреста граммов): сахара – 4, муки ржаной – 20, мяса – 12, сыра или ветчины – 4. Два куска мыла, 500 папирос и 10 коробков спичек. Наркомам и членам политбюро давали больше. Ленину и Троцкому, скажем, полагалась красная и черная икра. Сталину не полагалась. Он это запомнил...

В последующие годы пайки для руководящего состава все увеличивались и увеличивались. Но переедание тоже вредно, тем более для таких тяжелых сердечников, как Дзержинский.

Сохранилась короткая переписка Куйбышева и Рыкова о Дзержинском (она датируется июлем 1926 года, жить Феликсу Эдмундовичу оставалось совсем немного).

Дзержинский написал Рыкову письмо с просьбой освободить его от руководства ВСНХ. Тогда Куйбышев предложил, что он уступит Дзержинскому свое место наркома рабоче-крестьянской инспекции: «Инициативы у него много и значительно больше, чем у меня... Дело с ним настолько серьезно (ведь он в последнем слове прямо намекал на самоубийство), что соображения о моей амбиции должны отойти на задний план».

Рыков предложил другой вариант: «А что, если его назначить председателем Совета Труда и Оборона и возобновить опыт двух правительств?»

Куйбышев не согласился: «Это исключено. Система двух правительств должна быть похоронена навсегда. Не говоря уже о том, что для руководителя СТО не годится ни нервная система Феликса, ни его импрессионизм. У него много инициативности, но нет черт руководителя (системы в работе, постоянного осязания всей сложности явлений и их взаимоотношений, точного чутья к последствиям той или другой меры и т. д.!). В ВСНХ преимущества инициативности еще могут перевешивать недостатки Феликса как руководителя, но в СТО это уже не выйдет».

Рыков тревожно заключил: «Я боюсь, что его нервность и экспансивность без какого-либо крупного шага может довести до беды».

Феликсу Эдмундовичу стало плохо на пленуме ЦК 20 июля 1926 года, где он, выступая против наркома Каменева и

оппозиции в защиту деревни и крестьянина, доказывал, что крестьянство грабить нельзя.

Разногласия между Каменевым и Дзержинским имели принципиальный характер. Каменев упрекал Дзержинского в том, что он делает уклон в сторону стихии рынка. Дзержинский же стремился регулировать рынок, но как! Завалить рынок товарами, манипулировать запасами, чтобы диктовать низкие цены. А Каменев считал, что рынком надо просто командовать.

Любопытно, что глава карательного органа спокойно относился к самому факту существования политической оппозиции. Он спорил с оппозиционерами по экономическим вопросам. В частности, его серьезно беспокоили их антикрестьянские воззрения. Но никаких административных мер против своих оппонентов он не принимал.

Его терпимость к подобным людям подтверждается и тем фактом, что у него в ВСНХ работал уже свергнутый с вершины власти, но все еще популярный Троцкий в роли начальника научно-технического отдела. И Дзержинский не затевал против него никаких козней. По-настоящему ОГПУ возьмется за Троцкого лишь на следующий год после смерти Дзержинского.

Троцкий на пленуме ЦК в 1927 году очень точно откликнулся на слова Сталина насчет того, что надо вымести оппозицию из партии: «Как метлы коснется, вы в своей тарелке. Еще бляху вам и метлу, вот и вся ваша платформа полно-

стью».

Дзержинский говорил Каменеву: «Вы удивляетесь, что крестьянин не хочет продавать хлеб, и считаете, что в наших трудностях виноват кулак. А беда в том, что крестьянин не может купить товары, цены на которые слишком высоки. Чтобы забрать хлеб, придется вернуться к старым временам, то есть насадить помещиков».

Дзержинский еще не знал, что вскоре Сталин ограбит деревню, хлеб заберут, а умелых и работающих крестьян погонят в Сибирь. Рынок исчезнет, товарное хозяйство развалится. Страна перейдет к административной системе управления экономикой, что вызовет необходимость создания множества отраслевых наркоматов. Но чем больше управленцев, тем меньше товаров. Все необходимое становится дефицитом.

Впрочем, распределение дефицитных товаров – это система, весьма удобная некоторым слоям общества и тем, кто распределяет, и тем, кому дефицит достается.

Но вернемся к пленуму 1926 года. Придя после него к себе домой, Дзержинский упал. Вызвали врача. Тот сделал укол камфары. Но это уже не помогло. Дзержинский умер, когда ему еще не было и сорока девяти лет.

Отто Лацис сказал мне полусерьезно-полушутя:

– Если предложат поставить памятник Дзержинскому на Варварке, где когда-то находился Высший совет народного хозяйства, я обеими руками проголосую «за». Он это заслу-

жил. Если захотят восстанавливать на Лубянке, пойду сносить...

ДЗЕРЖИНСКИЙ – ПОЛЬСКИЙ ШПИОН?

В 1920 году, когда Красная армия надеялась разгромить польскую армию и войти в Варшаву, Ленин уже прикинул состав будущего польского правительства, включив в него первым номером Дзержинского.

В 1939-м нечто подобное сделает Сталин, начав войну с Финляндией. Нападение на Финляндию вызвало осуждение во всем мире. Нужно было какое-то пропагандистское прикрытие. И в советских газетах появилось сообщение о создании в финском городе Териоки, куда вошла Красная армия, правительства Финляндской Демократической Республики, которое, мол, приветствовало наступление советских войск.

2 декабря 1939 года в газетах было опубликовано новое сообщение: нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов подписал договор о взаимопомощи и дружбе с Отто Вильгельмовичем Куусиненом, возглавлявшим правительство и одновременно исполнявшим обязанности министра иностранных дел Финляндской Демократической Республики. Однако в действительности никакой такой республики не существовало, сам же Куусинен был секретарем исполкома Коминтерна.

Затем Молотов написал в Лигу Наций, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу. Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря заключен договор о взаимопомощи и дружбе. Этим документом урегулированы все вопросы».

Но поляки в 1920-м и финны в 1939-м сумели отстоять свою независимость. Ни Дзержинскому, ни Куусинену так и не удалось возглавить правительства у себя на родине, о чем они, впрочем, и не жалели. Они считали себя, соответственно, не поляком и финном, а членами прекрасного братства народов. Во всяком случае, Дзержинский думал так до последнего дня своей жизни.

Корни жестокости Дзержинского, как и некоторых других руководителей ВЧК – ОГПУ – НКВД, будут потом искать в его нерусском происхождении: дескать, поляку чужих не жалко, вот своих он бы не сажал.

Говорить так – значит вовсе не понимать этих людей. Дзержинского этническое происхождение не интересовало. Если бы в 1920 году Красной армии больше повезло на Западном фронте и Польша вошла бы в состав Советской России, Дзержинский наводил бы в Варшаве порядок той же железной рукой.

Полякам досталось бы от него еще больше, потому что в Варшаве у него было много непримиримых идеологиче-

ских оппонентов. Дзержинский был яростным противником польских националистов, которые мечтали о самостоятельном государстве. Он искренне верил, что полякам лучше было бы оставаться в составе единой Советской России.

В 1917-м он выступал против требования большевиков о праве наций на самоопределение. Дзержинский был искренним интернационалистом: «Национальный гнет может быть уничтожен только при полной демократизации государства, борьбой за социализм».

Сепаратистские стремления направлены против социализма, говорил Дзержинский, поэтому «мы против права наций на самоопределение».

Выступая на II Всероссийском съезде Советов, он говорил: «Польский пролетариат всегда был вместе с русским. Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это пролетариат, который борется за социализм».

Неукоснительно выступая против отделения Польши от революционной России, Дзержинский утверждал: «У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров».

В той среде, в которой вырос Дзержинский, национальные чувства были очень сильны: польская интеллигенция стремилась к независимости, к отделению от России, к созданию своего государства.

Но у Дзержинского было больше общего с Розой Люксембург, которая принадлежала к основателям небольшой социал-демократической партии Польши и Литвы. Они вместе,

неуклонно отстаивая единство польских и русских рабочих, боролись с националистической партией будущего маршала Юзефа Пилсудского.

Уже в конце жизни Дзержинский в одном из писем напишет: «Я в жизни своей лично любил только двух революционеров и вождей – Розу Люксембург и Владимира Ильича Ленина – никого больше».

Лев Троцкий писал о Дзержинском: «В течение долгих лет он шел за Розой Люксембург и проделал ее борьбу не только с польским патриотизмом, но и с большевизмом. В 1917 году он примкнул к большевикам. Ленин мне говорил с восторгом: никаких следов старой борьбы не осталось».

Влияние Люксембург на Дзержинского не было таким уж дурным, каким оно представлялось когда-то Ленину и Троцкому.

Некоторые фразы Люксембург словно написаны сегодня: «Со всех сторон нации и малые этнические группы заявляют о своих правах на образование государств. Истлевшие трупы, исполненные стремления к возрождению, встают из столетних могил, и народы, не имевшие своей истории, не знавшие собственной государственности, исполнены стремления получить свою страну. На националистической горе Вальпургиева ночь».

Дзержинский и Люксембург ставили вопрос так: полезна ли национальная независимость для самого народа, для его соседей и для социального прогресса? Есть ли экономиче-

ские условия для возникновения нового государства?

На свете существуют тысячи языков, но меньше двухсот государств. Роза Люксембург опасалась средневековой анархии, к которой может вернуться Европа, если каждая этническая группа потребует себе собственную страну. В регионах со смешанным населением экономическая жизнеспособность одной этнической группы зависит от других.

Спустя много лет после смерти Розы Люксембург, когда мы видим, как народы, живущие в одной стране, безжалостно убивают друг друга, приходится признать, что она была права.

Но Дзержинский разошелся с Розой в оценке русской революции. Вот что она писала, наблюдая за Советской Россией: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии – сколь бы многочисленными они ни были – это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. От этого зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией».

«Свобода – это прежде всего свобода инакомыслия», – с подобной формулой Розы Люксембург Дзержинский не был согласен, и в этом заключалась его ошибка.

А исторический спор о праве наций на самоопределение Дзержинский и Люксембург проиграли Юзефу Пилсудскому, который в юности тоже разделял социалистические идеи.

Пилсудский был еще более жестким человеком, чем Фе-

ликс Эдмундович. Он вовсе не признавал компромиссов и переговоров. Пилсудский родился на десять лет раньше Дзержинского и еще успел примкнуть к народовольцам. За участие в покушении на Александра III его отправили в Сибирь.

Многие поляки в Первую мировую сражались на стороне России в надежде после войны добиться независимости. С той же целью Пилсудский перешел на сторону немцев и австрийцев. Но в 1917 году он отказался присягнуть германскому императору, за что его посадили в тюрьму. В 1918-м после краха Германской империи он вернулся в Варшаву, чтобы взять власть, которая валялась под ногами.

В 1920-м войска Пилсудского нанесли неожиданный удар по Красной армии, стоявшей у ворот Варшавы, и таким образом остановили «победоносное шествие коммунизма». В историю эта военная победа вошла как «чудо на Висле».

На Пилсудского поляки смотрели как на героя. Те, кто слышал его выступления, были заворожены их магией. Вдохновленные его речами, польские legionеры в 1920 году захватили столицу Литвы Вильнюс. Это был подарок любимому лидеру, который родился и ходил в школу в Вильно. Сталин вернул Литве Вильнюс лишь в 1939-м, после раздела Польши.

В тот год, когда умер Дзержинский, Юзеф Пилсудский по-своему решил польские проблемы, организовав военный переворот и установив режим «управляемой демократии».

Пилсудский умер почти на десять лет позже Дзержинского.

Памятник Дзержинскому в Москве снесли в 1991 году. А Пилсудскому в 1998-м поставили в Варшаве уже второй памятник. На открытии присутствовал президент страны Александр Квасьневский.

Ненависть к Пилсудскому и польскому национализму не спасла бы Феликса Дзержинского, проживи он чуть дольше.

Бывший заместитель наркома внутренних дел Казахстана Михаил Павлович Шрейдер вспоминал, как в начале 1939 года во время допроса начальник следственного отдела Ивановского управления НКВД, обвинявший его в работе на польскую разведку, вдруг сказал:

– А мы располагаем данными, что к вашей организации приложил руку и Дзержинский. Вот почему он расстреливал честных следователей, которые били врагов. Случайно ли получилось, что Дзержинского, когда он находился в Варшавской цитадели, не казнили? Ленин и Сталин были им обмануты. Сейчас мы располагаем такими материалами.

Шрейдер был потрясен его словами. В этот момент в кабинет зашел начальник областного управления НКВД, который многозначительно подтвердил:

– Еще год назад и я бы не поверил относительно Дзержинского. Но сейчас мы в этом уже убедились. Я лично слышал об этом из уст Берию, и да будет вам известно, что вся родня Дзержинского арестована и все они дали показания.

26 апреля 1936 года Совнарком принял постановление о

выселении с Украины поляков как политически неблагонадежных. Поляков отселяли из пограничной зоны. Первую группу в 35 тысяч человек отправили в Казахстан.

Нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов скажет уже потом на допросе (это когда уже его будут допрашивать, а не он): «Я начал свою работу с разгрома польских шпионов, которые пролезли во все отделы органов ЧК, в их руках была советская разведка».

9 августа 1937 года политбюро утвердило приказ НКВД «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ (Польской организации войсковой)».

Вот в эту мифическую организацию двумя годами позже вписали и бывшего заместителя наркома внутренних дел Казахстана Шрейдера, который на допросе узнал, что идет по одному делу с Дзержинским.

В приказе Ежова говорилось: «Почти с самого момента возникновения ВЧК на важнейших участках противопольской работы сидели проникшие в ВЧК крупные польские шпионы – Уншлихт, Мессинг, Пиляр, Медведь, Ольский, Сосновский, Маковский, Логановский, Баранский и ряд других, целиком захвативших в свои руки всю противопольскую разведывательную и контрразведывательную работу ВЧК – ОГПУ – НКВД».

Такие дела фабриковались по всей стране. По одному только «польскому делу» посадили 18 тысяч человек. В Москве группу студентов-поляков обвинили в том, что они

собирались под видом осоавиахимовцев пронести оружие на Красную площадь во время демонстрации 7 ноября 1937 года и расстрелять стоявших на мавзолее руководителей страны и партии. Цель же подобной акции состояла, мол, в том, чтобы ослабить Советский Союз накануне войны с Польшей. В Москве все еще готовились воевать с польскими панами!

Нарком внутренних дел Ежов приказал арестовать всех политэмигрантов, бежавших в СССР, то есть польских коммунистов, друзей России, единомышленников Дзержинского. Как польского шпиона расстреляли профессионального чекиста Станислава Францевича Реденса, бывшего секретаря Дзержинского и родственника Сталина.

Если бы сам Феликс Эдмундович Дзержинский дожил до Николая Ивановича Ежова, его бы тоже расстреляли вместе с тысячами поляков, которые предпочли Россию независимой Польше и в результате пали жертвами чекистов.

Глава 2

ВЯЧЕСЛАВ РУДОЛЬФОВИЧ МЕНЖИНСКИЙ

Во втором издании Большой Советской Энциклопедии написано, что Вячеслав Рудольфович Менжинский погиб на боевом посту: он был злодейски умерщвлен по заданию главарей антисоветского контрреволюционного «право-троцкистского блока».

Несколько человек были приговорены в 1938-м к смерти за соучастие в убийстве, которого не было. Так что и после смерти Менжинский продолжал служить своему делу.

Впрочем, его родственники по-прежнему полагают, что Вячеслав Рудольфович был убит. Внук Менжинского Михаил Розанов уверен, что когда на даче поменяли обои, то на них нанесли яд. Он рассказывал мне, что и по сей день помнит эти обои, такие красивые...

МЕЖДУ ЛЕНИНЫМ И ТОЛСТЫМ

Из всех руководителей госбезопасности Менжинский кажется самой незаметной фигурой, хотя он руководил ОГПУ восемь лет — дольше, чем Ягода и Ежов, вместе взятые, и разработал те методы, которыми в полной мере воспользуются

его преемники. Он был гораздо умнее их и придумал то, на что сами они, лишь следовавшие предначертанным им путем, были бы не способны.

Наверное, все дело в том, что Менжинский резко выделялся среди своих коллег. Мягкий по характеру, приятный, обходительный, скромный, бескорыстный, интеллигентный человек – таков его образ, утвердившийся в истории.

Высокообразованный, преданный делу большевик Вячеслав Рудольфович Менжинский был тяжело болен, много времени проводил на даче, где разводил цветы и возился в химической лаборатории. Не имея, таким образом, возможности лично вникать во множество дел, он был вынужден довольствоваться информацией, поступавшей к нему от его первого заместителя Ягоды, которому вполне доверял.

Однако рассказы о том, что за него все делал Ягода, – миф. Именно Менжинский занимался ликвидацией кулачества как класса, отправлял террористические группы за границу для уничтожения врагов советской власти и подготовил первые московские судебные процессы, которые потрясли не только страну, но и весь остальной мир.

Масштабы содеянного Менжинским не те, что у его преемников, но это лишь потому, что другого Сталин еще не требовал.

Менжинский родился 19 августа 1874 года в Петербурге в дворянской семье. Его отец преподавал историю в Петербургском кадетском корпусе. Гимназию Вячеслав Рудольфо-

вич окончил с золотой медалью. Поступил на юридический факультет Петербургского университета, работал адвокатом.

Жизнь его могла пойти иным путем. Летом 1902 года, вспоминает его внук, Менжинский поехал в Ясную Поляну на встречу с Львом Толстым...

Менжинский очень рано присоединился к социал-демократической партии – еще в 1902 году, но, в отличие от Дзержинского, старался закон не нарушать.

Менжинский служил в Управлении строительством Вологодско-Вятской железной дороги в Ярославле и вел занятия в вечерней школе для рабочих. Во время первой русской революции сотрудничал в редакции большевистской газеты «Казарма». В июле 1905-го всех сотрудников редакции арестовала полиция. Четыре месяца он просидел в тюрьме. Когда объявил голодовку, его выпустили на поруки.

Он тут же бежал в Финляндию, где действовали свои законы. В 1907-м эмигрировал, жил в Бельгии, Швейцарии, Франции и Америке. Пребывание в Париже использовал для того, чтобы учиться в Сорбонне.

Страсть к революции соединялась в нем с любовью к литературе. Менжинский был одним из участников «Зеленого сборника стихов и прозы» (издан в 1905 году), где впервые напечатался популярный и поныне поэт, музыкант и певец гомосексуальной любви Михаил Кузмин, интимный друг Георгия Чичерина, будущего наркома иностранных дел. Для этого сборника Менжинский написал «Роман Демидова».

Менжинский, опять же вместе с Кузминым, принял участие и в сборнике «Проталина» (издан в Санкт-Петербурге в 1907 году).

Лев Троцкий писал, что познакомился с Менжинским во Франции в 1910 году. Будущий председатель ГПУ примыкал к группе ультралевых социал-демократов, или впередовцев. В группу входили также Александр Александрович Богданов (после революции директор Института переливания крови) и будущий нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Менжинский в те годы писал под псевдонимом Степинский.

В Болонье они открыли марксистскую школу для рабочих из России. Здесь Троцкий и увидел Менжинского:

«Впечатление, какое он на меня произвел, будет точнее всего выражено, если я скажу, что он не произвел никакого впечатления. Он казался больше тенью какого-то другого человека, неосуществившегося, или неудачным эскизом ненаписанного портрета. Есть такие люди. Иногда только вкрадчивая улыбка и потаенная игра глаз свидетельствовали о том, что этого человека снедает стремление выйти из своей незначительности».

Троцкий писал эти строки уже будучи в эмиграции, когда Менжинский возглавлял ОГПУ, боровшееся с оппозицией, так что автор, возможно, пристрастен.

Георгий Александрович Соломон, известный в предреволюционные годы социал-демократ, который хорошо знал се-

мью Ленина и дружил с Менжинским в эмиграции, вспоминал:

«После первой русской революции с явкой от Ленина в Брюссель перебрался на жительство Вячеслав Рудольфович Менжинский. В день прибытия Ленина Менжинский выждался встретить его на вокзале...

Я увидел сперва болезненно согнутого Менжинского, а за ним Ленина. Менжинский был очень болен. Его отпустили из Парижа всего распухшего от болезни почек, почти без денег. Мне удалось найти ему врача. Он стал поправляться, но все еще имел ужасный вид с набалдашниками под глазами, распухшими ногами...

Меня поразило, что Менжинский, весь дрожащий еще от своей болезни и обливающийся потом, нес от самого трамвая огромный, тяжелый чемодан Ленина, который шел налегке за ним, неся на руке только зонтик. Я бросился скорее к Менжинскому, выхватил у него из рук вываливающийся из них чемодан и, зная, как ему вредно носить тяжести, накинулся на Ленина с упреками:

– Как же вы могли, Владимир Ильич, позволить ему тащить чемоданище. Ведь посмотрите, человек еле-еле дышит!...

– А что с ним? – весело-равнодушно спросил Ленин. – Разве он болен? А я и не знал... Ну ничего, поправится...

В моей памяти невольно зарегистрировалась эта черта характера Ленина: он никогда не обращал внимания на стра-

дания других, он их просто не замечал и оставался к ним совершенно равнодушным...

А Менжинский улыбался своею милой, мягкой улыбкой. Этот элемент самопожертвования является отличительной чертой характера Менжинского в его сношениях с близкими людьми. Тот же Менжинский, прибыв из Киева в Москву, страдая сильной грыжей, стал перетаскивать свой и своих товарищей багаж, в то время как молодые товарищи спокойно шли налегке. Он поплатился за это болезнью, которая продержала его несколько недель в постели. И он сносил свои страдания без ропота, с присущей ему мягкой улыбкой.

Мне было странно отношение Ленина к Менжинскому, его старому товарищу и другу. Я несколько раз говорил Ленину о тяжелом положении Менжинского, человека крайне застенчивого, который сам предпочел бы умереть (я его застал умирающим от своей болезни, в крайней бедности, но он никому не говорил о своем положении), но ни за что не обратился бы к своим друзьям или товарищам. Но Ленин ничего для него не сделал.

Сразу после Октябрьской революции Ленин говорил о Менжинском как о прекрасном человеке, который совершенно не понимает, что к чему и как нужно воплощать в жизнь великие идеи».

Похоже, Владимир Ильич ошибался насчет своего старого знакомого. Менжинский до работы в госбезопасности и во время этой работы – два разных человека. Не очень понятно:

это служба так меняет человека? Или же в нем проявились доселе скрытые черты характера?

НОЧЬ В СМОЛЬНОМ

В июле 1917 года Менжинский вернулся в Россию. Его, сугубо штатского человека, включили в состав Бюро военной организации при ЦК РСДРП.

25 октября Менжинского назначили комиссаром Петроградского военно-революционного комитета в Госбанке. Он прибыл в главную контору банка с требованием выдать новой власти десять миллионов рублей на текущие нужды. Служащие Госбанка большевиков не признали и высокомерно отказались выполнять приказы Совнаркома. Тогда банк заняли красногвардейцы, но денег им все равно не дали.

Ленин утвердил Менжинского в должности заместителя наркома финансов РСФСР: наркомом стал известный публицист Иван Иванович Скворцов-Степанов, вероятно, потому, что он перевел на русский язык «Капитал» Маркса.

Получив назначение в наркомат финансов, Менжинский, еще не подобрав ни одного сотрудника, лег спать на диване в Смольном, прикрепив над головой записку «Наркомфин».

Почему Ленин определил его по денежным делам? Может, он вспомнил, что Менжинский, находясь в эмиграции в Париже, нашел работу в банке? Теперь от него требовалось только одно – выбить из банков деньги.

В Смольном 8 ноября Менжинского увидел американец Джон Рид, описавший революцию во всех подробностях: «Наверху, в столовой, сидел, забившись в угол, человек в меховой папаше и в том самом костюме, в котором он... я хотел сказать, проспал ночь, но он провел ее без сна. Лицо его заросло трехдневной щетиной. Он нервно писал что-то на грязном конверте и в раздумье покусывал карандаш. То был комиссар финансов Менжинский, вся подготовка которого заключалась в том, что он когда-то служил конторщиком во французском банке».

Через несколько дней Менжинский дал короткое интервью Джону Риду:

«Без денег мы совершенно беспомощны. Необходимо платить жалованье железнодорожникам, почтовым и телеграфным служащим... Банки закрыты; главный ключ положения – Государственный банк – тоже не работает. Банковские служащие по всей России подкуплены и прекратили работу.

Но Ленин распорядился взорвать подвалы Государственного банка динамитом, а что до частных банков, то только что издан декрет, приказывающий им открыться завтра же, или мы откроем их сами!»

Вместе с Лениным Менжинский подписал «Постановление об открытии банков»:

«Рабочее и крестьянское правительство предписывает открыть завтра, 31 октября, банки в обычные часы... В слу-

чае если банки не будут открыты и деньги по чекам не будут выдаваться, все директора и члены правления банков будут арестованы, во все банки будут назначены комиссары временным заместителем народного комиссара по Министерству финансов, под контролем которого и будет производиться уплата по чекам, имеющим печать фабрично-заводского комитета».

Только 17 ноября Менжинскому удалось получить первые пять миллионов рублей для нужд Совнаркома, который принял решение вскрыть сейфы частных банков. В каждый из них был отправлен вооруженный отряд.

Совнарком объявил государственную монополию на банковское дело. Частные банки были национализированы и объединены вместе с Госбанком в единый Народный банк. Банковские акции аннулировались, а сделки по ним объявлялись незаконными. Со всем этим Менжинский справился за несколько месяцев. Но особого впечатления на Ленина не произвел и высокой должности не сохранил.

Это подтверждает и Троцкий в своих записках: в наркомате финансов Менжинский «не проявил никакой активности или проявил лишь настолько, чтобы обнаружить свою несостоятельность».

Правительство переехало в Москву, а Менжинский остался в Петрограде в роли члена президиума Петроградского совета и члена коллегии комиссариата юстиции Петроградской трудовой коммуны. Это было понижение.

В апреле 1918 года, после заключения Брестского мира с немцами, его, как знающего иностранные языки и жившего за границей, отправили генеральным консулом в Берлин.

Советским полпредом в Германии был Адольф Иоффе, друг и соратник Троцкого. Потом их судьбы разойдутся, но тогда они вполне ладили, и Менжинский поддерживал Иоффе в его стычках с наркоматом иностранных дел. Дочь Иоффе пишет, что Менжинский «был человек несколько мрачный, неразговорчивый и необыкновенно вежливый – даже мне, девчонке, он говорил «вы».

Работа в Берлине оказалась недолгой. Накануне ноябрьской революции германское правительство разорвало дипломатические отношения с Россией. Советское полпредство обвинили в том, что оно ведет антигосударственную пропаганду, сославшись на то, что в советском дипломатическом багаже обнаружили пропагандистские листовки.

Менжинского перебросили на Украину, где он несколько месяцев служил заместителем наркома советской социальной инспекции.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Осенью 1919 года Менжинский вернулся в Москву. Дзержинский нашел ему работу в ВЧК. Еще 6 февраля ВЦИК утвердил «Положение об особых отделах при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии». Они должны были бороться

с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте.

Но ввиду высокого положения и авторитета наркомвоенмора Троцкого подчеркивалось, что особые отделы будут действовать под контролем Реввоенсовета Республики (это положение отменяют в 1931-м, и с этого момента военная контрразведка окончательно выйдет из подчинения армии).

Так появилась военная контрразведка, которая не только выявляла шпионов и предателей, но и следила за военачальниками, изучала настроения в армии.

Кроме того, поскольку при ВЧК еще не было Иностранного отдела, заниматься разведывательной работой за границей и на территориях, занятых Белой армией и иностранными державами, должен был Особый отдел.

Первым этот отдел возглавил сам Дзержинский. 15 сентября 1919-го Менжинского назначили особоуполномоченным Особого отдела ВЧК. Через полгода он – уже заместитель начальника отдела, а еще через несколько месяцев возглавил его. В июле 1922-го его утвердили членом коллегии ВЧК.

Менжинский докладывал о работе особых отделов, о ситуации в армии и не только в армии и Дзержинскому, и Троцкому. Причем Троцкий был куда более важной фигурой, чем председатель ВЧК. Поэтому военные чувствовали себя уверенно и не боялись чекистов. Лишь после ухода Троцкого из армии ситуация радикально изменится. А в Гражданскую войну разгневанный командарм запросто мог арестовать на-

чальника Особого отдела, если у них не складывались отношения.

Менжинский был исключительно лоялен к наркому по военным и морским делам. Троцкий вспоминает:

«Он явился ко мне в вагон с докладом по делам особых отделов в армии.

Закончив с официальной частью визита, он стал мяться и переминаться с ноги на ногу с той вкрадчивой своей улыбкой, которая вызывает одновременно тревогу и недоумение. Он кончил вопросом: знаю ли я, что Сталин ведет против меня сложную интригу?

– Что-о-о? – спросил я в совершенном недоумении, так был далек тогда от каких бы то ни было мыслей или опасений такого рода.

– Да, он внушает Ленину и еще кое-кому, что вы группируете вокруг себя людей специально против Ленина...

– Да вы с ума сошли, Менжинский, проспитесь, пожалуйста, а я разговаривать об этом не желаю.

Менжинский ушел, перекосив плечи и покашливая. Думаю, что с этого самого дня он стал искать иных осей для своего круговращения».

Так что традиция докладывать высшему руководству о политической ситуации и о поведении политиков заложена была в органах госбезопасности еще в те годы.

Доверительность отношений Менжинского с Троцким не стоит переоценивать. Тут не было ничего личного. Началь-

ник Особого отдела ответственно исполнял свои обязанности, не более того.

После смерти Дзержинского борьба с Троцким и с оппозицией будет поручена ОГПУ. Люди Менжинского совершенно не стеснялись в средствах. Была устроена настоящая провокация.

Агент ОГПУ, который потом во всех документах будет фигурировать как «бывший офицер врангелевской армии», получил задание близко познакомиться с человеком, который работал в типографии, где оппозиция печатала свои материалы.

Однажды к кому-то из окружения Троцкого пришел человек, предложивший помочь распечатать документы оппозиции на гектографе: до появления ксероксов это была высоко ценимая услуга. Но тут же нагрянуло ОГПУ, и оказалось, что доброхот – бывший врангелевский офицер. Типографию тут же прикрыли.

Политбюро и президиум Центральной контрольной комиссии (партийная инквизиция) сообщили всей стране о том, что троцкисты связаны с белой эмиграцией, с контрреволюционерами. Оппозиционеров обвинили в создании организации, готовившей военный переворот. Это уже не внутрипартийные споры, а антигосударственное преступление.

Оппозиционеры требовали опровергнуть это вранье. Председатель ОГПУ Менжинский признал, что «врангелевский офицер» – на самом деле агент ОГПУ. И Сталин это

прекрасно знал. Но, как говорилось в заявлении лидеров оппозиции, дело сделано: «легенда о «врангелевском офицере» гуляет по стране, отравляя сознание миллиона членов партии и десятков миллионов беспартийных».

В октябре 1927 года Троцкого и Зиновьева вывели из ЦК, их соратников исключили из партии. К концу 1927 года оппозиция была разгромлена. В течение года всех видных оппозиционеров, в общей сложности почти полтора человека, выслали из Москвы в отдаленные города страны под надзор представителей ОГПУ. В 1929-м Менжинскому поручили организовать высылку Троцкого из России.

20 декабря 1920 года Дзержинский подписал приказ № 169 «О создании Иностранного отдела ВЧК»:

«1. Иностранный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного отдела ООВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностранный отдел ВЧК подчинить начальнику Особого отдела тов. Менжинскому.

4. Врид. начальника Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение президиума штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэвакуом и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить

только через Иностранный отдел».

Менжинский руководил разведкой с момента ее возникновения, тем более что 18 сентября 1923 года его назначили первым заместителем председателя ГПУ. Дзержинский все больше занимался хозяйственными проблемами, оставляя ГПУ на своих заместителей.

Вячеслав Рудольфович сыграл важную роль в том, что советская разведка в 20–30-х годах стала самой сильной в мире.

Преимущество разведки ВЧК состояло в том, что, во-первых, в нее пришли работать опытные люди – большевики, прошедшие школу подполья, конспирации, борьбы с царской полицией и тюрем. Во-вторых, первое поколение советских разведчиков состояло из людей, родившихся за границей или вынужденно проживших там много лет: они чувствовали себя за рубежом как дома или в прямом смысле дома.

И наконец, самое главное. До появления Советской России считалось, что разведка и контрразведка нужны только во время войны, а в мирное время их распускали, довольствуясь обычной полицией.

Немецкие спецслужбы вообще перестали существовать после поражения в Первой мировой. Соединенные Штаты до Второй мировой войны не имели разведывательной службы и стали создавать ее с помощью англичан лишь после начала Второй мировой войны. Англичане сократили штаты спец-

служб донельзя, то же сделали и французы. И только аппараты ВЧК и советской военной разведки росли как на дрожжах. Этим и объясняются успехи в 20–30-х годах.

Ни одна другая страна не тратила на это столько денег и сил. Советская Россия считала себя в состоянии войны чуть ли не со всем миром, поэтому вполне естественно для нее было и вести подпольную войну по всему земному шару.

Первое поколение советских разведчиков во многом состояло из идеалистов, преданных идее мировой революции. Они шли в разведку не ради поездки за границу. Они служили делу, которое считали великим. Сначала они обратились за помощью к естественным союзникам – иностранным компартиям, но быстро поняли, что открыто действующий член коммунистической партии не может быть агентом: он на учете в полиции, и ему никуда нет ходу.

Тогда вербовщики советской разведки стали искать агентов «на вырост» – перспективную молодежь левых убеждений. Молодых людей, которые соглашались сотрудничать, убеждали не афишировать свои истинные взгляды и искать место в государственном аппарате, желательно в специальных службах.

Таких идейных волонтеров было недостаточно, поэтому искали и агентов, которые соглашались работать за деньги.

Вербовщики советской разведки, наверное, первыми сообразили, как удобно набирать агентов среди гомосексуалистов. Во-первых, те, кто вынужден вести двойную жизнь,

умеют хранить тайну. Во-вторых, они легко находят интересующих разведку людей внутри гомосексуального братства: в постели выведываются любые секреты. В-третьих, в среде гомосексуалистов были распространены социалистические идеи. В Англии в 30-х годах братство гомосексуалистов-леваков называлось Гоминтерном.

Ценность таких людей разведка поняла, воспользовавшись услугами одного из знаменитых своих агентов англичанина Гая Берджесса, друга и соратника Кима Филби. Первым заданием Берджесса было завербовать сотрудника английского военного министерства, что Берджесс и сделал, вступив с ним в интимную связь.

Ветераны советской разведки искренне обижаются, когда о Филби и его друзьях пишут не в самых восторженных тонах. С профессиональной точки зрения Филби был гениален – что верно, то верно. Но, увы, подлинные документы из архива советской Службы внешней разведки рисуют Филби и его друзей в весьма непривлекательном виде.

Комплексы, вызванные сексуальными отклонениями, сифилисом, который тогда плохо лечили, семейными проблемами, обида на весь белый свет за то, что их не оценили, не признали, трудности с карьерой, желание тайно повелевать окружающими, – вот что привело целую когорту молодых англичан в сети московских вербовщиков. Не желая взглянуть правде в глаза, эта публика находила успокоение в мыслях о том, что все они служат великому делу.

Это был мир странных, незаурядных, неординарных людей. Романтики, которые запросто убивали недавних коллег. Бессребреники, занимавшиеся подделкой казначейских билетов. 20-е и 30-е годы были временем, когда в разведку шли и ради острых ощущений, убегая от серых и пустых будней. Благородная мужская забава, почище охоты на диких зверей!

Историю отечественной разведки специалисты ведут от Посольского приказа, созданного царем Иваном IV в 1549 году, когда еще не делалось различий между дипломатией и разведкой. При Иване Грозном начались и репрессии против разведчиков: в 1570-м жестоко казнили посольского дьяка Ивана Висковатого, заподозренного в измене и заговоре против трона. А ведь Висковатый умело приобретал «агентов влияния», которых уже в наше время так боялся председатель КГБ Владимир Александрович Крючков.

Царь Алексей Михайлович создал Приказ тайных дел, в ведение которого была передана и разведывательная деятельность. Любопытно, что Приказ тайных дел вскоре стал заниматься также и обслуживанием царской семьи, совсем как КГБ. Начальник спецслужбы, который состоял тогда не в генеральском звании, а был просто дьяком, сопровождал царя на охоту и богомолье. И, подобно генерал-лейтенанту Александру Васильевичу Коржакову, начальнику службы охраны Ельцина, приобрел при дворе необыкновенное влияние – даже подписывал за царя указы.

При Алексее Михайловиче уже был первый перебежчик на Запад, причем из числа доблестных разведчиков. Это тоже, выходит, давняя традиция.

Как и сейчас, труднее всего было поладить с ближайшими соседями. Дипломату и разведчику Артамону Матвееву поручили разработку Богдана Хмельницкого, «человека неизвестного происхождения, объявившего себя «гетманом Украины», вступившего в вооруженную борьбу с Речью Посполитой и обратившегося к московскому царю с просьбой принять его со всем войском казацким в российское подданство», как написано в «Очерках истории российской разведки».

Хмельницкий выдавал себя за дворянина. Бдительный Матвеев вывел Богдана на чистую воду: отцом «гетмана Украины» был еврей-мясник, а сам Хмельницкий начинал жизнь с того, что содержал кабак.

Еще одна традиция – не доверять своим агентам. Знаменитый Талейран, министр иностранных дел Франции, тоже был платным агентом российской разведки. Он предупредил императора Александра I о том, что Наполеон готовится напасть на Россию. И это предупреждение так же пропало втуне, как и многочисленные предупреждения Сталину в 1941-м.

Привычка к тотальной слежке, когда казенных денег не жалеют, тоже не с КГБ началась. За террористом Борисом Викторовичем Савинковым во Франции следило около сот-

ни агентов царского департамента полиции. А толку? Помешать террористической деятельности эсеров полиция не смогла.

Что касается методов вербовки агентов, то один из самых первых российских разведчиков Афанасий Ордин-Нащокин открыл универсальный способ – побольше золота!

Практичный Петр I не жалел для своих разведчиков денег на подкуп иностранных дипломатов, тоже заложив одну из важных традиций разведки. В те времена, как и сейчас, агенты рублями не брали, а поскольку долларов еще не было, то выручали шкурки горностая и соболя. В те времена это называлось «дачными делами» от глагола «давать».

Научно-техническая линия разведки – то, что чаще называется промышленным шпионажем, – ведется от приказа Алексея Михайловича послу в Англии привезти «семян всяких» для питомника в Измайлове. Методы научного шпионажа тоже давно придуманы: знаменитый разведчик граф Николай Игнатьев начал свою карьеру с того, что просто украл в Лондоне новейший образец патрона, выставленный в Британском музее.

Самый высокопоставленный из сбежавших на Запад чекистов Александр Орлов, бывший резидент советской разведки в республиканской Испании, утверждал, что именно он украл в Германии технологию изготовления промышленных алмазов.

Москва первоначально хотела купить патент и догово-

риться с Крупным о строительстве завода в СССР. Но на заседании политбюро Сталин сказал Менжинскому: «Эти ублюдки хотят слишком много денег. Попробуйте выкрасть это у них. Покажите, на что способно ОГПУ!»

Берлинская резидентура советской разведки выкрала все описание технологии да еще и доставила немецкого изобретателя в Москву, чтобы он присутствовал при пуске завода...

ДЕЗИНФБЮРО

В январе 1923 года заместитель председателя ГПУ Иосиф Станиславович Уншлихт предложил создать для ведения активной разведки специальное бюро по дезинформации. Уншлихт был на два года моложе Дзержинского и примкнул к революционному движению пятью годами позже. Они состояли с Дзержинским в одной партии – Социал-демократии Польши и Литвы. Выдвигая свою идею, Уншлихт и не подозревал, что всего лишь продолжает старые традиции.

В наше время сын уездного предводителя дворянства Яков Толстой, которому Пушкин посвятил когда-то «Стансы», надевал бы в праздничные дни генеральский мундир и руководил в разведке службой «А» – «активные мероприятия». Так на профессиональном языке именуется дезинформация противника.

Якову Толстому, который предпочитал жить в Париже, пришла в голову гениальная мысль: он предложил царско-

му правительству подкупать французскую прессу, чтобы она благоприятно писала о России. В Санкт-Петербурге идею подхватили. И точно так же 11 января 1923 года политбюро одобрило предложение Уншлихта.

Постановлением политбюро было создано межведомственное Бюро по дезинформации (Дезинфбюро), в которое вошли представители не только ГПУ, но и ЦК, наркомата иностранных дел, Реввоенсовета, Разведывательного управления штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Бюро должно было составлять ложные сведения и документы, дающие превратное представление о внутреннем положении России. Этими материалами предполагалось снабжать противника с помощью разведки.

Бюро должно было готовить статьи и заметки для периодической печати, передавать газетам разного рода фиктивные материалы – в каждом отдельном случае с санкции секретаря ЦК.

Эти операции по дезинформации стали частью общей тактики органов госбезопасности. Чекисты создавали мнимую подпольную контрреволюционную организацию, которая связывалась с эмиграцией. Бежавшие из России военные и политики хотели верить – не могли не верить! – в то, что в России крепнет антибольшевистское движение. И некоторые лидеры эмиграции, поддавшись на уговоры, ехали в Россию, чтобы убедиться в силе нового движения. Их арестовывали.

Широкой публике известна так называемая операция

«Трест». Но только потому, что было решено частично ее рассекретить. Сперва появилась книга писателя Льва Вениаминовича Никулина «Мертвая зыбь», а затем многосерийный фильм кинорежиссера Сергея Николаевича Колосова. Но таких операций было проведено множество. Занимался этим, помимо Москвы, и Особый отдел ГПУ Украины, который тоже боролся с эмиграцией.

Считается, что именно Менжинский разработал тактику выманивания из-за рубежа врагов, которых ловили на территории России.

Летом 1924 года таким образом заманили в Москву Бориса Викторовича Савинкова, которого считали чуть ли не самым опасным врагом советской власти.

Менжинский получил редкий по тем временам орден Красного Знамени. А Савинков в мае 1925-го то ли покончил с собой, то ли был убит чекистами. Сидя в тюрьме, он вроде бы раскаялся и писал русским эмигрантам письма с предложением «последовать его примеру и вернуться в Россию». По своей воле или под давлением чекистов – точно не известно.

Попутно в ходе операции «Трест» использовалось то самое Бюро по дезинформации (Дезинфбюро). Целый ряд западных разведок обратился к мифической российской подпольной организации с просьбой раздобыть данные о Красной армии и положении в стране. Они получали ответы, которые готовились офицерами штаба РККА и военными раз-

ведчиками. Эту работу санкционировал начальник штаба РККА Михаил Николаевич Тухачевский, что со временем ему дорого обойдется.

В начале 20-х годов известному эмигранту Василию Витальевичу Шульгину, бывшему депутату Государственной думы, чекисты устроили целое путешествие по Советской России. Ему позволили приехать, а потом отпустили из страны в надежде, что он убедился: большевики крепко держат в руках власть и попытки эмигрантов свергнуть их иллюзорны. План сработал. Шульгин написал книгу «Три столицы. Путешествие в красную Россию», которой в Москве были довольны.

Павел Анатольевич Судоплатов, генерал-лейтенант госбезопасности, занимавшийся позднее подготовкой убийства Троцкого, а в годы войны руководивший диверсионной деятельностью в немецком тылу, вспоминал, что Менжинский отдал приказ о подготовке плана нейтрализации активных украинских националистов: имелось в виду их физическое уничтожение. Сам Судоплатов убил лидера Организации украинских националистов Коновальца.

Со временем Менжинский создаст Особую группу при председателе ОГПУ – самостоятельное и независимое от Иностранного отдела подразделение. Оно готовило диверсионные операции на случай войны и внедряло агентуру на важнейшие объекты вероятного противника.

Возглавлял группу Яков Серебрянский, человек авантю-

ного склада, бывший член партии эсеров-максималистов. В первый раз он был арестован в 1909 году за участие в убийстве начальника минской тюрьмы. Серебрянскому было всего семнадцать лет. Он отделался высылкой, работал электромонтером на витебской электростанции, с 1912 года служил в армии.

После революции наступило его время. В 1919 году он оказался в Персии (теперь Иран). Там его взяли в Особый отдел Персидской Красной армии. В 1920-м он служил в центральном аппарате ВЧК в Москве, но после окончания Гражданской войны его демобилизовали. Он опять примкнул к эсерам, за которыми теперь охотились его сослуживцы из ВЧК. На квартире одного из эсеровских руководителей его арестовали. Он провел за решеткой несколько месяцев.

В марте 1922 года президиум ГПУ освободил его из-под стражи «со взятием на учет и лишением права работы в политических, розыскных и судебных органах». От тоски он пристроился в канцелярию нефтетранспортного отдела Москватоба, там его арестовали по подозрению в получении взятки. Но о нем вспомнил другой бывший эсер – Яков Блюмкин, убийца немецкого посла Мирбаха. Серебрянского отправляют на нелегальную работу за границу. Полтора десятка лет он проработал под различными крышами в Бельгии, Франции и Соединенных Штатах.

Самой удачной его акцией стало похищение бывшего белого генерала Кутепова, который возглавил Российский об-

щевинский союз. Эту организацию бывших офицеров Белой армии в Москве считали самой опасной. Серебрянский похитил Кутепова в январе 1930 года прямо в центре Парижа. За это его наградили орденом Красного Знамени. В 1936-м он получил еще и редкий тогда орден Ленина.

После того как наркомом внутренних дел стал Лаврентий Берия и на Лубянке началась большая чистка, Серебрянского в ноябре 1938 года посадили. Он провел в тюрьме три года. В июле 1941 года Военная коллегия Верховного суда приговорила его к высшей мере наказания. Но расстрелять его не успели – вмешался Судоплатов. Он уговорил Берию освободить Серебрянского как опытного организатора террористических акций. В августе Президиум Верховного Совета СССР освободил его и амнистировал.

Всю войну Серебрянский прослужил в Четвертом (диверсионном) управлении НКВД – НКГБ под руководством Судоплатова, получил звание полковника, еще два ордена. Но после войны его уволили в запас. Когда в 1953 году Берия вновь возглавил органы госбезопасности и Судоплатов стал собирать своих людей, вспомнили и о Серебрянском. Его взяли во Второе управление МВД. Эти несколько месяцев дорого ему обошлись.

После расстрела Берии его тоже арестовали. Постановление Президиума Верховного Совета от августа 1941 года было отменено – над ним нависла угроза приведения в исполнение смертного приговора. Но расстреливать его не спешили.

ли, началось новое следствие. Но в марте 1956 года Серебрянский умер в Бутырской тюрьме.

Его заместителем стал Наум Эйтингон, тот самый, который позднее организовал убийство Троцкого. Группа Серебрянского состояла в общей сложности из двадцати оперативников и шестидесяти нелегалов.

ЛЕЖА НА ДИВАНЕ

30 июля 1926 года, через десять дней после смерти Дзержинского, Вячеслав Рудольфович Менжинский был назначен председателем ОГПУ и занимал этот пост восемь лет.

Троцкий вспоминал:

«Никто не замечал Менжинского, который корпел в тиши над бумагами. Только после того, как Дзержинский разошелся со своим заместителем Уншлихтом, он, не находя другого, выдвинул кандидатуру Менжинского. Все пожимали плечами.

– Кого же другого? – оправдывался Дзержинский. – Некого!

Но Сталин поддержал Менжинского. Сталин вообще поддерживал людей, которые способны политически существовать только милостью аппарата. И Менжинский стал верной тенью Сталина в ГПУ. После смерти Дзержинского Менжинский оказался не только начальником ГПУ, но и членом ЦК. Так на бюрократическом экране тень несостоявшегося чело-

века может сойти за человека».

Менжинский был по-прежнему очень вежлив и даже деликатен. Выслушав рапорт очередного сотрудника, любезно протягивал ему руку и говорил: «Здравствуйте, как поживаете?»

Его сестра Людмила Рудольфовна работала в наркомате просвещения и иногда, обращаясь к брату, помогала вырывать арестованных: с помощью влиятельных людей еще можно было кого-то спасти.

Вячеслав Рудольфович часто болел и, даже приезжая на Лубянку, принимал посетителей лежа. Никого это не удивляло.

Писатель Илья Григорьевич Эренбург пишет, как в 1920 году он решил поехать в Париж. Заполнил в наркоминделе анкету. Через несколько недель его вызвали в ЧК, предупредили: «С главного подъезда к товарищу Менжинскому».

«Вячеслав Рудольфович Менжинский был болен и лежал на чересчур короткой кушетке, – вспоминал Эренбург. – Я думал, что он начнет меня расспрашивать, не путался ли я с врангелевцами, но он сказал, что видел меня в Париже, спросил, продолжаю ли я писать стихи. Я ответил, что хочу написать сатирический роман. Поскольку разговор зашел о литературе, я поделился с ним сомнениями: печатается слишком много ходульных стихов, а вот Блок замолк... Менжинский иногда улыбался, кивал головой, иногда хмурился...»

На прощанье Менжинский сказал Эренбургу: «Мы-то вас

выпустим. А вот что вам скажут французы, не знаю...»

Илья Эренбург получил паспорт. Он не знал, что через год именно Менжинский будет решать судьбу Александра Блока.

В июле 1921-го нарком просвещения обратился к Ленину с просьбой отпустить поэта Александра Александровича Блока на лечение за границу: тот тяжело болен. Ленин запросил мнение начальника Особого отдела Менжинского.

Менжинский ответил в тот же день: «Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории».

Пока решали, что делать с Блоком, 7 августа 1921 года великий поэт умер.

Сейчас нам кажется, что настоящий террор был только во время Гражданской войны, а потом возобновился уже в 1937-м. Но это не так, террор начался сразу же после революции и закончился только 5 марта 1953 года со смертью Сталина.

Осенью 1927 года в Москву приехал знаменитый французский писатель Анри Барбюс, симпатизировавший Советской России. 16 сентября его принял Сталин. Барбюс спросил его: «Как мне противодействовать западной пропаганде насчет красного террора в СССР?»

Сталин объяснил все просто:

«Расстрелы шпионов, которые происходят, это, конечно, не красный террор. Мы имеем дело со специальными организациями, база которых в Англии или во Франции... Эти организации финансируются, очевидно, капиталистами, английской разведкой...

Вот недавно была арестована маленькая группа, состоящая из дворян-офицеров. У этой группы было задание отравить весь съезд Советов, на котором присутствует три – пять тысяч человек. Было задание отравить газами весь съезд. Как же бороться с этими людьми? Тюрьмой их не испугаешь, и тут просто вопрос об экономии жизней. Либо истребить отдельные единицы, состоящие из дворян и сыновей буржуазии... или позволить им уничтожить сотни, тысячи людей».

10 мая 1927 года на Варшавском вокзале был убит советский полпред в Польше Петр Лазаревич Войков.

«У нас в ответ на это было расстреляно двадцать белогвардейцев, – говорил Сталин Барбюсу. – Рабочие были этим очень довольны, но говорили, что мало расстреляно, что у нас много еще таких паразитов шляется...

Тут нужно ставить вопрос о том, против кого направлена смертная казнь. Кто встречается в списках лиц, приговоренных к смертной казни? Только дворяне, князья, царские генералы, царские офицеры, которые воевали с Советской властью. Очень редко, я не знаю такого случая, когда встречаются в этих списках представители неэксплуататорских классов, может быть, один-два случая среди шпионов... Когда

нас упрекают, что мы не защищаем всех одинаково, то на это нужно ответить, что мы и не собирались защищать всех. Мы ведь говорим открыто, что у нас классовый строй».

Сталин за словом в карман не лез и откровенно врал, глядя собеседнику прямо в глаза. Под пули и в лагеря давно шли рабочие и крестьяне, с каждым годом их будет становиться все больше... Хотя и представителям «эксплуататорских классов» доставалось. Во всех учреждениях шли бесконечные чистки: чуждый элемент нещадно изгонялся.

Лица, подпадавшие под чистку, разбивались на категории. Тем, кто включался в третью категорию, запрещалось работать в каком-то определенном месте. Гражданам, отнесенным ко второй категории, вообще нельзя было найти работу, а это, в свою очередь, означало, что у них отбирали хлебные карточки, лишали права голосовать.

Таким лишенцем стал сам Константин Сергеевич Станиславский, когда вспомнили, что он сын купца. Но он-то легко отделался. Основателя Московского Художественного театра быстро восстановили в правах. Менее нужным и полезным гражданам пришлось значительно хуже.

Николай Григорьевич Егорычев, бывший член ЦК и бывший первый секретарь Московского горкома партии, рассказывал:

– Мой дед был самым богатым мужиком в Митине, теперь это микрорайон Москвы. Он на свои деньги построил церковь, она и сейчас еще действует. Его еще в 1919-м

хотели арестовать, а митинские мужики за него встали горой: не отдадим, это наш! В 1930-м, когда эту церковь пытались закрыть, дядя выступил на собрании в Митине и сказал: «Граждане, может, нам не закрывать церковь? Все-таки при церкви кладбище, наши предки похоронены. Кто за ними ухаживать будет?»

Его судили по 58-й статье, дали пять лет ссылки, послали в Архангельскую область. И тогда еще его дочь добилась его оправдания. Решили, что напрасно его сослали. Она его поехала выручать. А он где-то в лесу под Архангельском гнал лесной уголь, совсем истощал и умер у нее на руках.

Другой мой дядя, – вспоминал Егорычев, – в Рублеве заведовал хозяйством водопроводной станции. Их там было двести человек, обслуживали станцию. Половину, сто человек, репрессировали и почти всех расстреляли. В том числе и дядю...

«ПРОМПАРТИЯ» И ДРУГИЕ

В некрологе, помещенном в «Правде» 13 мая 1934 года, говорилось: «Здесь в этом зале дописывались последние страницы в тех привлекавших внимание всего мира делах, первые страницы которых набрасывались в кабинете т. Менжинского».

С Менжинским прощались в Колонном зале Дома союзов, где проходили все громкие судебные процессы, спла-

нированные председателем ОГПУ и его помощниками. Это «шахтинское дело» («вредительская организация буржуазных специалистов в Шахтинском районе Донбасса» – 1928 год), процессы по делу «Промпартии» («вредительство в промышленности» – 1930 год), Трудовой крестьянской партии («вредительство в сельском хозяйстве» – 1930 год), «Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков» («реставрация капитализма в стране» – 1931 год).

Все процессы были одинаковыми. Они должны были показать стране, что повсюду действуют вредители, они-то и не дают восстановить промышленность и вообще наладить жизнь. А вредители – бывшие капиталисты, дворяне, белые офицеры, старые специалисты. Некоторые из них – прямые агенты империалистических разведок, которые готовят военную интервенцию...

По мнению американского ученого Питера Соломона, изучавшего историю советской юстиции, постоянный поиск виновных, на которых можно было бы все свалить, – это характерная черта Сталина. Он тем самым инстинктивно снимал с себя ответственность.

При этом в политбюро обыкновенно знали цену этим делам.

Когда в 1928 году затевалось печально знаменитое «шахтинское дело», туда отправили комиссию, которую возглавлял член политбюро и секретарь ВЦСПС Михаил Павлович Томский. Когда он вернулся, нарком обороны Ворошилов

написал ему записку:

«Миша!

Скажи откровенно: не вляпаемся мы на открытом суде в Шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ?»

Томский счел нужным ответить, что дело ясное. Но, выходит, Ворошилов чувствовал, что все это было липой...

Сталин, пишет доктор исторических наук Олег Витальевич Хлевнюк, обнаруживал вредительство там, где был обычный хозяйственный спор, и требовал крови. Сталин обвинял старых спецов – «вредителей и саботажников» – во всех экономических провалах и одновременно обвинял «правых» в покровительстве вредителям.

В 30-х годах аварии и выпуск некачественной продукции становились поводом для возбуждения уголовного дела. Обвинения в саботаже и вредительстве приобретали политическую окраску, и даже плохого повара при желании могли обвинить в троцкизме. Вина за аварии и брак была переложена на плечи руководителей производства, пишет Питер Соломон в своей книге «Советская юстиция при Сталине», хотя реальной причиной была форсированная индустриализация и требование выполнить план любой ценой.

Все началось с «шахтинского дела», о котором страна узнала, прочитав 12 марта 1928 года газету «Известия»:

«На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта

контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района...

Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольной промышленности методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижении качества продукции, повышении себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов».

В реальность обвинений верили почти все за малым исключением. В октябре 1928 года умер известный ученый-металлург, член-корреспондент Академии наук Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, брат еще более знаменитого географа. Его предсмертное письмо было опубликовано в эмигрантской печати: «Все знают, что никакого саботажа не было. Весь шум имел целью свалить на чужую голову собственные ошибки и неудачи на промышленном фронте... Им нужен был козел отпущения, и они нашли его в куклах шахтинского процесса».

ОГПУ получило указание найти вредителей во всех отраслях народного хозяйства. Менжинский указание выполнил.

В начале августа 1930 года Сталин в письме Молотову написал, что надо «обязательно расстрелять всю группу вре-

дителей по мясопродукту, опубликовав при этом в печати». В конце сентября было принято постановление политбюро: опубликовать показания обвиняемых «по делам о вредителях по мясу, рыбе, консервам и овощам». А 25 сентября появилось сообщение о том, что коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу 48 «вредителей рабочего снабжения» и приговор приведен в исполнение...

Летом 1930 года ОГПУ «раскрыло» контрреволюционную «Трудовую крестьянскую партию». Председателем никогда не существовавшей партии назвали профессора Николая Дмитриевича Кондратьева, бывшего эсера, бывшего товарища министра продовольствия во Временном правительстве.

При советской власти Кондратьев возглавлял Конъюнктурный институт наркомата финансов. ОГПУ сообщало, что ЦК «Трудовой крестьянской партии» состоял в «информационно-контактной связи» с инженерно-промышленным центром. В центре состояли: Л.К. Рамзин, директор Теплотехнического института, В.А. Ларичев, член президиума Госплана СССР, А.А. Федотов, председатель коллегии Научно-исследовательского текстильного института, и С.В. Куприянов, технический директор Оргтекстиля ВСНХ СССР.

Это был мостик к следующему и самому громкому из «вредительских» процессов.

11 ноября 1930 года в московских газетах было опубликовано обширное обвинительное заключение по делу контр-

революционной организации «Союз инженерных организаций» («Промышленная партия»). Самым известным из обвиняемых был профессор Леонид Константинович Рамзин. Его и остальных обвиняли по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

Читая обвинительное заключение, подписанное Прокурором России Николаем Крыленко, советские люди узнавали о том, что Объединенное государственное политическое управление выявило наконец центр всей вредительской деятельности в стране.

«Промпартия», согласно этому документу, объединила «все отдельные вредительские организации по различным отраслям промышленности и действовала не только по указаниям международных организаций бывших русских и иностранных капиталистов, но и по прямым указаниям правящих сфер и генерального штаба Франции по подготовке вооруженного вмешательства и вооруженного свержения Советской власти».

Деятельностью вредителей из-за рубежа руководил, утверждало ОГПУ, Торгпром – находящееся в Париже объединение «крупнейших заправил дореволюционной промышленности, поставившее своей задачей политическую работу по борьбе с Советской властью за возвращение своих бывших предприятий». Руководители Торгпрома Денисов и Третьяков были в списке кандидатов на пост министра торговли и промышленности в будущем правительстве России.

Трагическая ирония состояла в том, что к моменту начала процесса над «Промпартией» Сергей Николаевич Третьяков уже два года работал на советскую разведку под псевдонимом Иванов. Его личное дело я читал в известном здании на Лубянке. Третьяков работал на советскую разведку больше десяти лет.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ

По счастливой для Москвы случайности дом, который арендовал в Париже Российский общевойсковой союз (РОВС), главный объект интереса советской разведки, принадлежал семье Третьякова. Правда, сам Третьяков из семьи ушел, но представители советских спецслужб уговорили его вернуться.

В кабинете председателя РОВС генерала Миллера советские разведчики ночью установили подслушивающее устройство, и несколько лет подряд Сергей Третьяков каждый день проводил несколько часов с карандашом в руках, надев наушники и записывая все, что ему удавалось услышать. Затем он составлял донесение и передавал его сотруднику парижской резидентуры советской разведки. В 1942 году немцы, которые оккупировали Францию, нашли это оборудование. Третьяков был арестован как советский шпион, в конце 1943-го его казнили...

А началась его работа на советскую разведку с процесса над «Промпартией».

Сергей Николаевич Третьяков был одним из крупнейших российских промышленников, бесспорным лидером московских деловых людей. В октябре 1917 года он возглавил Экономический совет при Временном правительстве. В ночь с 25-го на 26 октября его арестовали красногвардейцы вместе с другими министрами Временного правительства и отправили в Петропавловскую крепость.

В начале 1918-го усилиями Политического Красного Креста удалось Третьякова и еще трех министров перевести из крепости в тюремную больницу. Там еще не было красногвардейцев, и они спаслись. Третьяков уехал из Петрограда и стал министром в сибирском правительстве адмирала Колчака, потом оказался в эмиграции в Париже.

Бежавшие из России промышленники создали Российский финансовый торгово-промышленный союз (Торгпром). Третьяков был избран заместителем председателя союза. Судя по картотеке Иностранного отдела ОГПУ, в начале 20-х годов Торгпром помогал деньгами Борису Савинкову, и вроде бы деньги Савинкову на террористическую деятельность передал Третьяков.

Менжинский поставил перед Иностранным отделом задачу проникнуть в руководящие круги Торгпрома, чтобы быть в курсе возможных антисоветских акций.

В мае 1929 года один из советских агентов в Париже, по

кличке Ветчинкин, назвал фамилию Третьякова как подходящего для вербовки человека. Третьяков, по его словам, нуждался, потому что обнищавший Торгпром не имел возможности платить ему жалованье.

Обстоятельства личного характера благоприютствовали вербовке. Третьяков от семьи отошел, жил отдельно. Не скрывал своего разочарования в эмигрантском движении.

Другой агент сообщил: «Сергей Николаевич Третьяков — человек, обладающий большими знаниями и широким кругом знакомств в различных сферах русской эмиграции. Ввиду резкого контраста между той ролью, которую он играл в промышленных кругах России, и нынешним своим положением Третьяков в 1926 году впал в отчаяние и сделал попытку покончить жизнь самоубийством. Его в последний момент вынули из петли. Этот факт известен крайне ограниченному кругу лиц».

Третьяков легко согласился работать на советскую разведку и сразу поднял денежный вопрос: запросил двести долларов ежемесячно и двадцать пять тысяч франков единовременно. Советскому разведчику, который его вербовал, сумма показалась несуразной. Они стали торговаться. Третьяков отстаивал каждый доллар. Наконец договорились.

Ему был присвоен псевдоним Иванов. Он получил первые сто долларов и на следующую встречу принес свою исповедь: «После победы большевиков эмиграция разбилась на целый ряд групп и группировок: впереди ничего определен-

ного, советская власть справилась с белым движением. В сущности, с этого момента эмиграция, по-моему, потеряла всякое значение в смысле борьбы с советской властью и в смысле влияния на политику иностранных государств. И если некоторые террористические акты против советской власти имели место как за границей, так и в России, это дело рук отдельных лиц или маленьких группировок, но не эмиграции как таковой.

Сейчас эмиграция окончательно утратила свое значение, с ней никто не считается, ее никто не слушает. Эмиграция умирает уже давно, духовно она покойник.

Торгово-промышленный союз (Торгпром) был создан в конце 1919 года Н.Х. Денисовым. Цель – объединение торгово-промышленного класса с заграницей, защита своих интересов и борьба с большевиками. Денисов, нажившийся на войне, уехал из России накануне большевистского переворота. Он сумел сделать деньги в Англии. Он продал большой пакет акций Сибирского банка и получил почти миллион фунтов стерлингов.

Веря в скорое падение большевиков, этот человек стал бросать деньги направо и налево. В течение ряда лет Торгпром пользовался большим влиянием в эмигрантских, а иногда и во французских правящих кругах.

В настоящее время союз не имеет никакого значения, он захирел, денег у него нет, находится он в маленьком помещении, служащих трое, да и те не знают, получают ли они жа-

лованье первого числа».

КАК СОБИРАЛИСЬ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТРЕТЬЯКОВА?

Из Москвы в парижскую резидентуру поступила шифровка: «Считаем полезным возобновление переписки «Иванова» с его московскими приятелями. Мы рассчитываем, что москвичи сообщат «Иванову» о своих перспективах, о размахе своей работы и назовут тех, кто, может быть, нам еще неизвестен».

Третьяков передал связному различные документы Торгпрома, в том числе свою переписку с оставшимися в России бывшими промышленниками Нольде и Суздальцевым – совершенно невинную. От Третьякова требовали назвать имена и адреса вредителей, которые действовали по указанию эмиграции, а Третьяков уверял, что ему ничего не известно.

В ОГПУ хотели, чтобы Третьяков написал своим знакомым, оставшимся в России, и предложил им сотрудничество. Объяснил бы им, что за вредительскую работу им хорошо заплатят. Потом этих людей можно было бы обвинить в антисоветской деятельности и сотрудничестве с иностранными разведками.

Связной получил новое указание из Иностранного отдела ОГПУ: «Ваша задача вернуть его к активной работе в Торгпроме, заставить выявлять вредителей... Необходимо, что-

бы он выяснил, существует ли, и если да, то в каком виде, тот центр, который объединяет и руководит деятельностью вредителей. Мы полагаем, что Торгпром таким центром не является».

Эта фраза из письма Иностранного отдела ОГПУ в парижскую резидентуру многого стоит: через несколько месяцев в обвинительном заключении по делу «Промпартии» именно Торгпром будет назван главным центром вредительства в СССР.

Иначе говоря, в ОГПУ знали, что к чему, но продолжали сооружать абсолютно липовое дело. Но именно этого ждали от чекистов. Сталин потребовал от Менжинского, чтобы арестованные по делу никогда не существовавшей «Промпартии» дали показания о связях с европейскими правительствами ради подготовки вторжения в Советский Союз. Об этом свидетельствует, в частности, следующая записка генсека:

«ОГПУ т. Менжинскому. Только лично. От Сталина

Тов. Менжинский! Письмо от 2/X и материалы получил. Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях – это вопрос об интервенции вообще и особенно вопрос о сроке интервенции. Выходит, что предполагали интервенцию в 1930 г., но отложили на 1931-й или даже на 1932 г. Это очень вероятно и важно.

Это тем более важно, что исходит от первоисточника, то

есть от группы Рябушинского, Гукасова, Денисова, Нобеля, представляющей самую сильную социально-экономическую группу из всех существующих в СССР и эмиграции группировок, самую сильную как в смысле капитала, так и в смысле связей с французским и английским правительствами.

Может показаться, что «Трудовая крестьянская партия», или «Промпартия», или «партия Милюкова» представляют главную силу. Но это неверно. Главная сила – группа Рябушинского– Денисова – Нобеля, то есть «Торгпром».

ТКП, «Промпартия», «партия» Милюкова – мальчишки на побегушках у «Торгпрома». Тем более интересны сведения о сроке интервенции, исходящие от «Торгпрома». А вопрос об интервенции вообще, о сроке интервенции в особенности, представляет, как известно, для нас первостепенный интерес.

Отсюда мои предложения:

а) Сделать одним из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, «Промпартии» и особенно Рамзина вопрос о сроке интервенции:

- 1) почему отложили интервенцию в 1930 г.?
- 2) не потому ли, что Польша еще не готова?
- 3) может быть, потому, что Румыния не готова?
- 4) может быть, потому, что лимитрофы (так называли Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию. – Л. М.) еще не сомкнулись с Польшей?
- 5) почему отложили интервенцию на 1931 г.?

б) почему «могут» отложить на 1932 г.?

б) Привлечь к делу Ларичева и других членов ЦК «Промпартии» и допросить их строжайше о том же, дав им простенькое показание Рамзина.

в) Строжайше допросить Громана, который, по показанию Рамзина, заявил как-то в «Объединенном центре», что «интервенция отложена на 1932 г.».

г) Провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т. д., хитро увиливающих от «тенденции к интервенции», но являющихся (бесспорно) интервенционистами, и строжайше допросить о сроках интервенции (Кондратьев, Юровский и Чаянов должны знать об этом так же, как знает об этом Милуков, к которому они ездили на «беседу»).

Если показания Рамзина получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и т. д.), то это будет серьезным успехом ОГПУ, так как полученный таким образом материал мы сделаем достоянием секций Коммунистического Интернационала и рабочих всех стран, поведем широчайшую кампанию против интервенционистов и добьемся того, что парализуем, подорвем попытки интервенции на ближайшие 1–2 года, что для нас немаловажно. Понятно?

Привет!

И. Сталин».

Менжинский все понял. Во время процесса «Промпар-

тии» сотрудник советской разведки встретился с Третьяковым, который изумленно сказал ему:

– Должен вам заметить, что вы совершаете ошибку. Ту работу, которую вы приписываете Торгпрому, он не ведет.

– Разве вы не следите за разоблачениями, сделанными во время процесса «Промпартии»? – спросил советский разведчик.

Третьяков покачал головой:

– Я сильно сомневаюсь в правдивости того, что написано в советских газетах. Поверьте, это просто невозможно, чтобы членам «Промпартии» пересылались такие большие суммы. Помилуйте, господа, откуда, откуда? Ведь не только я, даже такие люди, как глава Торгпрома Денисов, сейчас перебиваются с хлеба на воду, не могут себе на жизнь заработать.

– Я должен вам сказать, – заявил затем Третьяков, – что к делу «Промпартии» я никакого отношения не имел и до начала процесса даже не слышал о ней.

– И ни с кем из этих людей не виделись? – спросил советский разведчик.

– Нет, – ответил Третьяков. – Я читал в ваших газетах, что мне приписывают оказавшиеся на скамье подсудимых люди, но все это плод их фантазии.

Ваш страх интервенции, подготовляемой Францией, – продолжал Третьяков, – ни на чем не основан. Бриан, министр иностранных дел, – сторонник мира. Кто же будет против вас воевать? Югославия? Нет. Италия? У нее нет ника-

ких интересов в этой части Европы. Германия? В нынешней ситуации и речи быть не может. Чехословакия? Нет. Кто же, кто же?..

Сотрудник советской разведки был раздражен тем, что Третьяков все отрицал. Ведь в обвинительном заключении по делу «Промпартии» цитировались показания главного обвиняемого, профессора Рамзина: «При следующей встрече, кажется в Париже, Третьяков сказал, что при использовании войск Польши, Румынии, Прибалтийских стран и врангелевской армии около 100 тысяч человек интервенция будет располагать [столь] прекрасно оборудованной армией, что, по мнению многих бывших промышленников, при морской поддержке на юге и севере можно рассчитывать на успех даже с небольшой армией».

Вот вопрос, на который сейчас уже, видимо, невозможно получить ответ: неужели председатель ОГПУ Менжинский, который читал эти шифровки и все знал, искренне верил в реальность «Промпартии»?

25 ноября 1930 года в Москве начались заседания Специального присутствия Верховного суда СССР. Председательствовал Андрей Януарьевич Вышинский. Обвинение поддерживал Крыленко. Все восемь обвиняемых безоговорочно признали свою вину. Они нарисовали грандиозную картину разрушения «вредителями» экономики страны, создавая Сталину роскошное алиби, которого хватило на десятилетия.

В студенческие годы я еще встречал людей старшего поколения, которые помнили процесс «Промпартии» и, глубоко-мысленно покачивая головой, говорили о том, какой ущерб нанесли стране такие вредители, как профессор Рамзин.

Переписка со старыми знакомыми, оставшимися в России, Нольде и Суздальцевым, переданная Третьяковым советской разведке, видимо, пригодилась.

На вечернем заседании 1 декабря Вышинский попросил коменданта пригласить свидетеля Александра Нольде, который сообщил суду, что по указанию Торгпрома занимался вредительской деятельностью в льняной промышленности, и, в свою очередь, назвал инженера Суздальцева, якобы также участвовавшего во вредительстве.

Тем временем в Париже Сергей Третьяков на очередном свидании с советским разведчиком повторил: «Я утверждал и утверждаю, что никого из обвиняемых по делу «Промпартии» я лично не видел и разговоров с ними не вел».

Использование на процессе в Москве имени Третьякова чуть было не привело к его провалу.

На вечернем заседании 4 декабря после окончания судебного следствия специальное присутствие перешло к прениям сторон. Первым слово было предоставлено государственному обвинителю.

По классическим правилам Крыленко должен был проанализировать доказательства и улики, подтверждающие преступную деятельность обвиняемых. Ему уже было из-

вестно: за рубежом с изумлением констатировали, что все обвиняемые сознались, хотя на процессе не представлено ни единого доказательства! Обвинение не располагало ни одной объективной уликой, только признаниями обвиняемых.

«Какие улики вообще могут быть? – задавал сам себе вопрос Крыленко. – Есть ли, скажем, документы? Я спрашивал об этом. Оказывается, там, где они были, там документы уничтожались... Конечно, такие документы, как письма Торгпрома и другое, были уничтожены... Я спрашивал: может быть, какой-нибудь случайный остался? Было бы тщетно на это надеяться...»

Преступник, естественно, уничтожает улики. А почему он преступник? Потому что арестован и сознался, объясняет обвинитель. Ни с того ни с сего ОГПУ не арестовывает...

Председательствующий Вышинский вполне удовлетворен логикой главного обвинителя. Это же его главная идея – признание подсудимого и есть царица доказательств.

Но Крыленко лихо выбрасывает свой главный козырь: «Но все же не все документы были уничтожены... В материалах, касающихся деятельности текстильной группы, имеются письма Третьякова Лопатину и Лопатина Третьякову».

Лопатин умер в 1927 году, за три года до процесса, поэтому он не попал на скамью подсудимых, но на процессах его фамилию называли среди главных вредителей.

Московские газеты приходили в Париж с опозданием. 11 декабря в полпредство доставили газеты с обвинительной ре-

чью Крыленко. Один из руководителей парижской резидентуры, занимавшийся Третьяковым, решил почитать газету на сон грядущий. Когда он добрался до фразы о письмах Третьякова, то буквально похолодел (так написано в шифровке, которая хранится в архиве российской внешней разведки).

Утром он отправил письмо в центр:

«Почему, принимая решение о том, чтобы Крыленко сделал на процессе такое заявление, вы не сочли нужным предупредить нас?

Если бы нас поставили в известность, мы бы успели подготовиться: или порвать все отношения с «Ивановым», раз таково решение центра, или, если центр, несмотря на заявление Крыленко, рвать с ним не намерен, то предупредить самого «Иванова». Ведь ему предстоит ответить Торгпрому, каким образом его переписка с Лопатиным попала в руки ОГПУ.

Принимая во внимание всеобщую подозрительность эмиграции ко всем и то обстоятельство, что эти письма – единственные документы, которые были названы на процессе, не подлежит никакому сомнению, что отношение к нему со стороны эмиграции станет более чем настороженным».

Но в Иностранном отделе ОГПУ ничего поделать не могли. Процесс по делу «Промпартии» куда важнее судьбы какого-то агента парижской резидентуры.

Поразительным образом все обошлось. В Париже никто не рискнул предположить, что ОГПУ получило письма непо-

средственно от Третьякова. Эмиграция решила, что их переписка была конфискована после смерти Лопатина.

7 декабря 1930 года в Москве завершился проходивший при большом стечении иностранных корреспондентов двухнедельный судебный процесс по делу придуманной ОГПУ «Промпартии».

Восемь крупных инженеров и руководителей промышленности были признаны виновными как «главари подпольной контрреволюционной шпионско-диверсионной» организации, по сговору с Западом занимавшейся вредительством в советской промышленности.

Всех подсудимых приговорили к расстрелу, но президиум ЦИК, учитывая их «полное признание» в совершенных преступлениях, заменил высшую меру наказания десятилетним тюремным заключением. Эти люди так убедительно сыграли свою роль, что получили обещанную награду: их не убили.

Сталина интересовали более крупные фигуры, хотя пока что он к ним только примеривался. Менжинский знал, чего от него ждет Сталин. Следователи ОГПУ выбивали из «вредителей» показания о связях с так называемыми «правыми».

В показаниях, полученных ОГПУ, значились имена двух членов политбюро – председателя ЦИК Михаила Ивановича Калинина и главы правительства Алексея Ивановича Рыкова. Калинин не имел никакого политического веса и Сталина не интересовал. А вот на Рыкова, пользовавшегося в стране уважением, Сталин уже стал копить материалы.

РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Поклонники булгаковского романа «Мастер и Маргарита» весело смеются, читая сцену, описывающую сдачу валюты («Сон Никанора Ивановича»): «Вот уже полтора месяца вы сидите здесь, упорно отказываясь сдать оставшуюся у вас валюту, в то время как страна нуждается в ней, а вам она совершенно ни к чему».

В глазах сегодняшнего читателя страницы, посвященные валютчикам, носят юмористический характер, но при первой публикации романа эту сцену цензура убрала, потому что она почти списана с натуры.

В те годы происходило массовое изъятие ценностей у всех, у кого еще что-то осталось. Человека – обычно по доносу соседей или коллег – арестовывали и держали до тех пор, пока он не отдавал все, что у него было. Ценности нужны были для ускоренной индустриализации. Но в городе взять было практически нечего, поэтому грабили деревню.

Доктор экономических наук Алексей Улюкаев, который был заместителем Гайдара в Институте экономических проблем переходного периода, а в правительстве Касьянова стал заместителем министра финансов, считает:

– То, что происходило в конце 20-х годов, можно назвать просто террором, а можно увидеть в этом реализацию импортозамещающей модели в условиях изоляции страны.

Главным ликвидным средством было зерно. Его надо было сконцентрировать в руках государства, а поскольку добровольно крестьяне зерно не отдавали, то власти прибегли к помощи продотрядов и раскулачиванию кулака. Раскулачивание, говоря современным языком, — это своеобразная процедура ускоренного банкротства.

Так что террор в конце 20-х начался не в силу злой воли (впрочем, в ней недостатка тоже не было), а потому что руководители государства приняли простое решение: «У нас нет времени убеждать частный капитал, нам нужно сконцентрировать все ресурсы и бросить их на развитие страны».

Организаторов колхозов в январе 1930 года напутствовали такими словами: «Если в порученном вам деле вы перегнете и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело!»

Местные партийные секретари по всей стране устроили соревнование: кто скорее добьется стопроцентной коллективизации. В первом сборнике исторических документов и материалов «Неизвестная Россия» подробно описано, что за этим последовало.

Зерно начали отбирать у тех, у кого оно было, то есть у справных хозяев. Их называли кулаками и, по существу, объявили вне закона. Сначала всего лишь предполагалось выселить их на худшие земли и отобрать «лишнее». Председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин объяснил, что делать с кулаками: «Выселять на отдельные участки с плохими

землями и отчуждать у них лишние орудия производства».

Но этого оказалось недостаточно: партийная пропаганда превратила кулаков в прирожденных убийц и негодяев. Для начала их просто ограбили, забрали все имущество, запретили снимать деньги со своих вкладов в сберегательных кассах.

30 января 1930 года политбюро приняло решение «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». 60 тысяч глав кулацких хозяйств предполагалось посадить в концлагеря или расстрелять, а их семьи выслать. Еще 150 тысяч семей решили просто выслать. Но масштабы борьбы с кулаками превысили предполагаемые цифры.

Приказ по ОГПУ о ликвидации кулачества как класса был подписан 2 февраля 1930 года. Перед госбезопасностью поставили задачу ликвидации контрреволюционного кулацкого актива, поставлявшего людей в действующие контрреволюционные и повстанческие организации.

Дела на кулаков предписывалось рассматривать в срочном порядке. Большинство арестованных подлежали отправке в концлагерь. В отношении наиболее злостных следовало применять высшую меру наказания. Наиболее богатых кулаков, бывших помещиков, местных кулацких авторитетов, актив церковников и их семьи приказано было высылать в отдаленные северные районы, а имущество конфисковывать.

За два года, в 1930–1931-м, пишет Олег Хлевнюк, больше

полутора миллионов крестьян и их родных были высланы в лагеря ОГПУ и трудовые поселения. Примерно полмиллиона крестьян сами бежали в города и на стройки. Еще около двух миллионов были выселены по третьей категории, то есть в пределах своей области, но они лишились всего имущества, крестьянствовать не могли, и большинство ушло в город, надеясь там как-то прокормиться. Вот так было фактически уничтожено сельское хозяйство страны.

Имущество ограбленных кулаков уходило в доход государства, но часть распределяли среди односельчан: люди охотно брали то, что отняли у их соседей.

Писатель Лев Эммануилович Разгон, который прошел лагерь, говорил мне:

– Все действия Сталина мне понятны. Они подчиняются строгой логике. У него была цель. А как заглянуть в черные души его подручных, которые убивали, выполняя приказы? Тут нужно возвращаться в страшную эпоху коллективизации, раскулачивания, когда соседи приходили к человеку, с которым они годами жили рядом, бывали у него в гостях. И они только потому, что он считался кулаком, а они числились бедняками, забирали все его имущество, выкидывали его вместе с детьми на подводы и отправляли в Сибирь. Можно понять этих людей или нет? И те и другие были крестьянами...

Половину ссыльных крестьян отправили в лесную, горнорудную и строительную промышленность, то есть на самые

тяжелые работы. Стариков, подростков и детей использовали на лесозаготовках. Женщин – на раскорчевке земель.

Ссылных селили в бараках, шалашах и землянках. Медицинской помощи они почти не получали. Денег у них не было, продуктов им не выдавали. Зимой они остались без теплой одежды. Появилась масса сирот, которым еды вообще не полагалось. Зарплату ссылным не платили по пять-шесть месяцев. Местные власти относились к ним как к животным. Обо всем этом можно узнать из докладных записок ОГПУ.

В этих спецпоселениях люди жили как в гетто, лишенные права не только уехать, но и просто выйти с территории. Они не могли ни поехать учиться, ни сменить работу. Эти ограничения были сняты только в 1947 году.

Менжинскому было дано указание заставить крестьян сдать зерно и довести крепкие хозяйства до банкротства. Крестьян сажали за убой скота (новая статья, введенная в начале 1930 года), за невыполнение плана посевной, за спекуляцию и сокрытие зерна. В 1931-м ввели в Уголовный кодекс статью «за порчу трактора».

Главной причиной уголовного наказания было невыполнение личных обязательств по сдаче зерна. Эти санкции предусматривались для кулаков. Но кулаки убегали, не дожидаясь, пока их посадят. Тогда местные власти принимались за середняков, и с тем же результатом: их хозяйства разрушались.

Репрессии обрушивались на середняка с такой же легкостью, как и на богатого крестьянина. Любого недовольного тем, что происходит, могли обвинить в контрреволюционной агитации. Пьяная драка с местным чиновником классифицировалась как терроризм. Суды рассматривали дела, не вызывая свидетелей, не слушая доводов защиты и не соблюдая процедурные нормы.

По секретной инструкции 1932 года обо всех смертных приговорах полагалось сообщать в комиссию политбюро, которая их утверждала. Но 7 августа появился один из самых варварских законов сталинского времени – так называемый «закон о пяти колосках». Это было постановление ЦИК и Совнаркома «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Постановление, принятое для борьбы с голодающим крестьянством, приравнивало хищение государственной и общественной собственности к преступлениям, за которые приговаривают к смертной казни. Причем тройкам ОГПУ разрешили приводить в исполнение смертные приговоры без утверждения их комиссией политбюро.

За кражу зерна любой колхозник получал десять лет. Даже у многих судей не поднималась рука отправить крестьянина в лагерь на десять лет за кражу нескольких колосков.

Ускоренная индустриализация и насильственное объединение крестьян в колхозы ввергло страну в состояние Граж-

данской войны, пишет Олег Хлевнюк. Голодные люди не давали вывозить хлеб. Крестьяне восставали по всей стране. В 1929 году в стране было 1300 мятежей – по четыре мятежа каждый день. В январе 1930-го в волнениях участвовало 125 тысяч крестьян. В феврале – 220 тысяч. В марте около 800 тысяч...

Политбюро удержало власть над страной только благодаря террору. В 1930-м по делам, расследованным ОГПУ, было расстреляно больше 20 тысяч человек. Была проведена мобилизация в органы госбезопасности, в штат вернули бывших чекистов, которые ушли со службы, когда ВЧК преобразовали в ГПУ и аппарат сократили.

Разрозненные восстания крестьян едва не переросли в повстанческое движение по всей стране. Причем Сталин запретил прибегать к помощи Красной армии в борьбе с восставшими, поскольку армия сама была крестьянской и он боялся, что вчерашние крестьяне повернут оружие против власти.

Увидев масштаб сопротивления, Сталин и его окружение, видимо, и задумали идею массовой чистки, искоренения всех тех, кто хотя бы теоретически может быть нелоялен.

В 1933 году ввели паспортную систему, чтобы контролировать передвижение населения. До 1923 года в разных городах пользовались самыми разными документами, чаще всего трудовыми книжками, но и после 1923-го, когда декрет ВЦИК предписал ввести единые удостоверения личности, можно было предъявлять любые документы – справки из

домоуправления, служебные удостоверения, профсоюзные и военные билеты.

В записках моего дедушки я нашел упоминание о том, что он получил в милиции свидетельство на «право жительства во всех городах и селениях РСФСР». На оборотной стороне поставили штамп о прописке и о вступлении в брак.

В 1932 году политбюро создало комиссию во главе с заместителем председателя ОГПУ Всеволодом Аполлоновичем Балицким. Повод для введения паспортов сформулировали так: ввиду необходимости очистить Москву, Ленинград и другие крупные города «от лишних, не связанных с производством и работой учреждений, а также от скрывающихся в городах кулацких, уголовных и других антиобщественных элементов».

Постановление Совнаркома от 28 апреля 1933 года о выдаче паспортов запрещало выдавать их «гражданам, постоянно проживающим в сельских местностях», то есть крестьянам, с тем чтобы не дать им возможность уйти из деревни. Крестьянина советская власть держала на положении крепостного. Этот запрет был отменен только в 1974 году.

Тех, кто не имел паспорта, рабоче-крестьянская милиция выселяла из Москвы и Ленинграда.

ДЕЛА О ЛЮДОЕДСТВЕ

Разрушение деревни привело зимой 1932/33 года к голо-

ду. Хуже всего ситуация была на Украине и в Казахстане, который, может быть, пострадал больше других республик. Их-за голода и последовавшей за ним эпидемии тифа погибло 1700 человек. Это 40 процентов всего казахского населения. Еще несколько сотен тысяч казахов бежали в соседние Китай, Монголию, Афганистан...

Голодающие крестьяне пытались украсть немного зерна, чтобы накормить детей. И тут уже вступало в действие ОГПУ. В 1932-м по закону от 7 августа вынесли тысячу смертных приговоров. Столько же казнили за первую половину 1933-го.

Корней Иванович Чуковский, замечательный детский писатель и литературовед, 14 октября 1932 года записал в дневнике:

«Вчера парикмахер, брея меня, рассказал, что он бежал с Украины, оставил там дочь и жену. И вдруг истерично:

– У нас там истребление человечества! Истреб-ле-ние че-ло-ве-чества. Я знаю, я думаю, что вы служите в ГПУ, но мне это все равно: там идет истреб-ле-ние человечества. Ничего, и здесь то же самое будет. Я буду рад, так вам и надо!»

В мае 1933 года местные органы госбезопасности и прокуратуры получили секретное письмо ОГПУ, прокуратуры и наркомата юстиции:

«Ввиду того что существующим уголовным законодательством не предусмотрено наказание для лиц, виновных в людоедстве, все дела по обвинению в людоедстве должны быть

немедленно переданы местным органам ОГПУ.

Если людоедству предшествовало убийство, предусмотренное статьей 142 Уголовного кодекса, эти дела также должны быть изъяты из судов и следственных органов системы Наркомюста и переданы на рассмотрение коллегии ОГПУ в Москве».

Ситуация в промышленности была не лучше, чем в деревне, отмечает Олег Хлевнюк. Деньги вкладывали в незавершенное строительство, в то время как действующие предприятия не получали сырья и оборудования. Финансовая система разрушилась. Правительство подняло цены, ввело обязательные займы и печатало деньги. Продовольствие выдавали по карточкам.

Магазины были пусты. Продукты продавались только в магазинах Торгсина (Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами), где принимали как валюту, так и золотые кольца, коронки, крестики, браслеты.

В августе 1930 года в Москве были введены закрытые распределители продовольствия для рабочих наиболее важных предприятий. Эта идея понравилась, и распределители продовольственных и промышленных товаров распространились по всей стране. Отныне особо заманчивой стала работа не там, где интересно, и даже не там, где хорошо платят, а там, где есть хороший распределитель – для других закрытый.

Голод 1932–1933 годов унес от четырех до пяти миллио-

нов жизней. И вот что потрясает. Члены политбюро, как показывает анализ поступавших к ним документов, были прекрасно осведомлены о масштабах голода, о страданиях людей. Но историки отмечают, что нет ни одного документа, в котором Сталин и другие руководители страны сожалели бы о смерти миллионов сограждан.

В политбюро не знали, как выйти из кризиса. В партии многие тихо роптали. В 1929–1931 годах провели очередную чистку партии, исключили четверть миллиона человек.

10 декабря 1932 года было принято решение о новой чистке членов и кандидатов в члены партии. Чистка продолжалась до весны 1935 года. Прием в партию и перевод из кандидатов в члены партии возобновился только с 1 ноября 1936 года.

Зато XVII съезд партии в феврале 1934 года разрешил создавать группы сочувствующих при партийных организациях. Для этого нужно было получить две рекомендации. Сочувствующие посещали открытые партсобрания, но имели только совещательный голос.

В политическом смысле это привело к росту авторитета «правых», иначе говоря, сторонников умеренной политики в городе и в деревне – главы правительства Алексея Ивановича Рыкова, партийного идеолога Николая Ивановича Бухарина, обратившегося к крестьянам с лозунгом «Обогащайтесь!», бывшего главы профсоюзов Михаила Павловича Томского.

Сталину эти люди мешали. Но ему было трудно побороть Рыкова, достойного человека, умелого администратора, который вполне мог претендовать на руководство страной. Но в таких делах Сталин мог рассчитывать на помощь органов госбезопасности.

ЗАСТРЕЛИЛСЯ МАЯКОВСКИЙ ИЛИ ЕГО УБИЛИ?

Вот уже несколько лет некоторые исследователи уверяют, что Владимир Маяковский вовсе не покончил с собой, а был убит чекистами Менжинского по приказу Сталина. И число сторонников этой версии все увеличивается.

Правда, литературоведы, знатоки жизни и творчества Маяковского, реагируют на нее скептически. Они охотнее цитируют Бориса Пастернака, который с присущей гениальным поэтам прозорливостью предположил когда-то: «Мне кажется, Маяковский застрелился из гордости, оттого, что осудил что-то в себе или около себя, с чем не могло мириться его самолюбие».

Но многим версия об убийстве Маяковского кажется весьма убедительной. Публика скорее готова поверить в тайное убийство, в заговор, в существование неких секретных сил. Но к смерти Маяковского – это редкий случай – ОГПУ не причастно.

Ведь российскую публику убеждают в том, что и Сергей

Есенин вовсе не повесился, а был повешен. Несколько писателей и один бывший милиционер самостоятельно провели расследование и без труда выявили гнусных убийц...

Правда, проведенная уже в наши дни профессиональная и всеобъемлющая экспертиза патологоанатомического заключения о смерти Сергея Есенина категорически опровергает возможность насильственной смерти: поэт повесился сам, без чужой помощи.

Думая и о трагической судьбе Маяковского, некоторые исследователи приходят к выводу, что поэт не по своей воле покинул сей мир. Отправная точка рассуждений – странный интерес чекистов к поэту. Ближе всех к Маяковскому был член коллегии ОГПУ и начальник секретно-политического отдела Яков Саулович Агранов.

Давно отмечено странное взаимное тяготение людей искусства и офицеров секретных служб. Рыцарям плаща и кинжала льстит внимание властителей дум. А поэтов, артистов и художников волнует мистическая притягательность тайной власти. А может быть, просто сюжеты ищут в рассказах бывалых людей...

Яков Агранов был чекистом-интеллектуалом. Когда в 1922 году Ленин приказал выставить из страны «контрреволюционных» ученых, он просил Дзержинского поручить это дело толковому чекисту. Поручили Агранову. Ленин к Агранову благоволил.

Сибарит Рудольф Менжинский, в высшей степени амби-

циозный Генрих Ягода, ошалевший от стремительного взлета на Олимп власти Николай Ежов и их высокопоставленные подчиненные, включая Агранова (высшая точка его карьеры – должность первого заместителя наркома внутренних дел) охотно участвовали в богемной жизни Москвы, дружили с мастерами искусств, как тогда говорили, изображали из себя меценатов.

Генрих Григорьевич Ягода торчал в доме Горького не потому, что следил за пролетарским писателем. Ему, как уверяют, нравилась жена Пешкова-младшего, а еще больше нравился интерес, с которым ему внимал цвет художественной интеллигенции России. А следить за писателями было кому и помимо наркома и его заместителей. На недостаток агентов и осведомителей это ведомство в России никогда не жаловалось.

Автор «Конармии» Исаак Бабель водил компанию с Яковом Блюмкиным, который принимал участие в убийстве германского посла Мирбаха. Маяковский – с Аграновым. Кстати говоря, эта традиция из 20–30-х годов перешла и в наши дни.

Так что исследователи оказываются в плену собственной схемы, когда пишут: «Ясно, что операцией по уничтожению Маяковского руководил опытный агент ЧК Агранов». Не зря же Агранов занимался похоронами поэта. Он должен был во время похорон замести какие-то следы... Какие? Художница Лавинская вроде бы видела в руках Агранова снимок мерт-

вого Маяковского, но не тот, который всем известен, а совсем другой: «Распростертого, как распятого, на полу с раскинутыми руками и ногами и широко раскрытым в отчаянном крике ртом».

Самоубийство тоже сопровождается болью, страданием, так что в последние секунды жизни Маяковский вполне мог так выглядеть. Но если Агранов должен был скрыть эту фотографию, то зачем же «опытный агент» позволил увидеть ее художнице Лавинской?

Вот еще один вопрос: почему Маяковскому прислали с Лубянки пистолет? «Это было приглашением к самоубийству. Ему пистолет был не положен». Очень даже положен. И в наши-то дни министерство внутренних дел и министерство обороны крупным деятелям культуры охотно дарят личное оружие, а уж в те времена это было достаточно широкой практикой.

Присылать пистолет как приглашение к самоубийству — это уж очень романно. Не стоит так хорошо думать о чекистах, они все-таки были в первую очередь чиновниками, бюрократами.

Достаточно представить себе, как оперуполномоченный ОГПУ составляет на имя Менжинского бумагу с предложением послать «поэту Маяковскому В.В. пистолет, чтобы он понял, что ему следует застрелиться», как сразу станет ясной нелепость сего предположения.

В этом ведомстве всегда действовали самым простым об-

разом: если поступала команда уничтожить, то уничтожали – сажали, судили, отправляли в лагерь, расстреливали, вешали, на худой конец проламывали голову ледорубом или ломом. Зачем сложные-то пути искать, когда столько простых?

Полагают: «В 30-м году Маяковского надо было убирать во что бы то ни стало. И его убрали».

Ставить себя на место другого человека – полезно. Но все-таки трудно поставить себя на место Сталина, причем именно в 1930-м, и понять, почему Маяковского надо было «убрать во что бы то ни стало».

Криминальность мышления Сталина не подлежит сомнению. Но самым главным врагом его был Троцкий. Приказ об убийстве Троцкого был отдан не в 1930 году, а позже. Так что же, выходит, Маяковский был более опасен, чем Троцкий?

Проживи Маяковский подольше, он бы, скорее всего, угодил в ежовско-бериевскую мясорубку. Но не в 1930-м, а в 1936–1938 годах.

Не стоит и переоценивать роль Маяковского для Сталина и партийной верхушки. Это сейчас он представляется самой крупной вершиной, а на литературно-политическом ландшафте 20–30-х были другие величины, в большей степени интересовавшие хозяев Старой площади и Лубянки. В 1930-м Владимир Маяковский вовсе не был поэтом номер один. «Лучшим и талантливейшим» Сталин прикажет считать его после смерти.

«А что, если чай с чекистами были отнюдь не безвредны-

ми? – задается вопросом один из авторов версии о убийстве Маяковского. – Психотропными средствами обработки ЧК по-настоящему овладело к моменту показательных процессов 1937-го года... Похоже, что плохое физическое самочувствие поэта было вызвано каким-то отнюдь не безвредным средством, которое нетрудно было подсыпать в еду таким мастерам этого дела, как Эльберт или Агранов».

Не знаю, как насчет Льва Гиляровича Эльберта, начальника отделения Иностранного отдела ОГПУ, фигуры весьма неясной, но для члена коллегии ОГПУ Якова Агранова подсыпать яд в чай было бы в новинку. Он был мастером своего дела, но другого. Он принял участие в убийстве десятков тысяч человек, но опосредованно, подписывая приказы, а не стреляя или подсыпая яд. В 1930-м он был уже одним из руководителей ОГПУ, а вовсе не агентом-оперативником, которого отправляют на мокрое дело.

Кроме того, на сегодняшний день нет никаких оснований утверждать, что в 30-х годах ОГПУ – НКВД использовало психотропные средства – по той простой причине, что эффективных средств такого типа еще не было. Эта отрасль прикладной химии появилась после того, как в 1942 году один швейцарский химик синтезировал препарат ЛСД.

Производные этого препарата и некоторые другие сложные химические соединения в 50–60-х и в начале 70-х годов активно изучались в лабораториях всех спецслужб. На психотропные средства возлагались большие надежды в пла-

не манипулирующий человеческим мозгом. Надежды, кстати, не оправдались.

Конечно, поразительные признания обвиняемых на московских процессах 30-х годов казались неразрешимой загадкой. И скажем, ЦРУ в начале 50-х годов тоже подозревало, что Москва каким-то образом научилась контролировать поведение людей.

Поведение подсудимых на процессах 30-х годов, или саморазоблачительные признания венгерского кардинала Миндсенти, над которым устроили суд в 1949 году, или антиамериканские речи, которые внезапно стали произносить попавшие в плен к северным корейцам в 1950–1953 годах американские летчики, казалось, имеют только одно объяснение – применение особых препаратов.

В одном из докладов ЦРУ 50-х годов говорилось о возможности использования русскими чекистами лоботомии, электрошока, таких препаратов, как инсулин, метазол и кокаин, применения гипноза в сочетании с наркотиками.

Почти четверть века ЦРУ вело исследования на эту тему, но практически безуспешно. Ответы следует искать не в химических лабораториях.

Почему люди, попавшие в руки чекистов, в конце концов говорили все, что от них требовалось? Многочасовые допросы, бессонные ночи, угрозы арестовать членов семьи действовали значительно сильнее, чем мистические психотропные средства...

Вот еще основание для подозрений: «Размер депрессии Маяковского не соответствовал масштабу происходящего».

Вообще говоря, депрессия как таковая свидетельствует о том, что организм человека не способен адекватно реагировать на обстоятельства жизни, это болезненная реакция.

Нужно ли говорить, что поэты – самый ранимый род людей? То, что со стороны кажется малозначительным, для них трагедия вселенских масштабов.

А на Маяковского в последние годы и месяцы его жизни обрушилось столько оскорблений, что в этом смысле можно говорить о доведении до самоубийства. Такой была атмосфера 30-х годов, в которой уничтожалось все талантливое, неординарное.

В подкрепление своих слов позволю себе сослаться на свидетельство очевидца. На записки моего дедушки – Владимира Михайловича Млечина, театрального критика, который знал Маяковского и оставил свои воспоминания.

Он работал над воспоминаниями несколько лет – до самой смерти в январе 1970 года. Помню, что, когда готовился сборник «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», ему предложили включить в книгу свои записки. Он отказался: «К родным Маяковского не имею чести принадлежать, а другом называть себя не смею».

Кажущиеся мне необидительными толки о смерти Маяковского навели меня на мысль предать гласности эти воспоминания.

Считается, что Сталин приказал уничтожить Маяковского, сочтя его пьесу «Баня» своего рода издевкой над генеральным секретарем. Диспут вокруг «Бани» занимает центральное место в публикуемых воспоминаниях.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С МАЯКОВСКИМ

Сразу после выступления Маяковский шепнул мне:
– Поедем отсюда.

Я спустился в вестибюль, и мы вышли на улицу. Маяковский был сумрачен и молчалив. Шел двенадцатый час ночи. Маяковский махнул проезжавшему свободному извозчику. Мы сели.

– Может, в «Националь»? – спросил я, полагая, что Маяковский хочет поиграть на бильярде.

– Нет уж, давайте в «Кружок».

Так в обиходе московской литературно-театральной богемы именовался Клуб мастеров искусств в Старопименовском переулке. В клубе в тот вечер не было ничего, что могло бы заинтересовать Маяковского. Я подумал, что он хочет поужинать, поиграть на бильярде – ради этого, собственно, и ездили в «Кружок»: здесь был отличный и сравнительно недорогой ресторан, хорошие бильярдные пирамидки и приветливый маркер Захар, который знал всех посетителей и лично их обслуживал.

Но мы не ужинали. Не играли.

– Давайте посидим где-нибудь, поболтаем.

Устроились в коридорчике, который вел к ресторану. Дважды, может быть трижды, подходил к нам официант, предлагая поесть, потом сообщая о предстоящем закрытии кухни. Маяковский благодарил, но в ресторан не пошел.

Мы приехали не позже двенадцати. Мы ушли последними, когда клуб закрывался, стало быть, не ранее четырех часов утра. О чем же мы говорили целых четыре часа? И почему Маяковский выбрал в собеседники именно меня – далеко не самого близкого к нему человека?

Мы познакомились летом 1926 года, когда я стал работать в издательстве «Молодая гвардия».

Сейчас трудно себе представить, что человек десять управлялись с громадным объемом разнообразнейшей литературы. По-видимому, большие штаты, которыми ныне располагают издательства, не являются обязательной предпосылкой успешной работы.

Однажды из комнаты редакторов донесся изрядный шум. Какой же молодой (и неопытный) администратор потерпит беспорядок в своем учреждении! Я зашел в комнату и увидел картину в общем юмористическую: маленький редактор, задрав голову, стоял перед Маяковским, который с высоты своего без малого двухметрового роста смотрел куда-то в потолок и то сердито, то саркастически отводил шаткие аргументы собеседника.

Выяснилось, что поэт сдал в издательство сборник стихов, а рукопись потеряли. Я увел Маяковского к себе в кабинет и кое-как уладил конфликт.

Через несколько дней я вновь увидел Маяковского, который сразу зашел ко мне, уселся на край стола и деловито сказал:

- Тезка, дайте денег.
- За что, Владимир Владимирович?
- Не за что, а на что. Еду в Крым.
- Без договора финотдел не даст.
- Значит, ничего нельзя придумать?
- Есть одна мысль, – сообразил я. – Если одобрите, органирую аванс. Напишите для нас детскую книжку.

Прошло месяца два, и я вновь увидел Маяковского. Просто, точно вчера расстались, он протянул свою мощную руку, уселся на тот же стол, вытащил небольшую записную книжку и прочитал: «Эта книжечка моя про моря и про маяк».

Мы тут же оформили договор.

Только после этих встреч я стал более или менее регулярно ходить на его литературные вечера. Затем я сам стал писать о театре, из издательства перешел в «Вечернюю Москву», мы виделись в некоторых домах, в частности у Луначарского. Вскоре нашлось и еще одно поле для встреч – бильярдное.

Играл Маяковский очень хорошо – для любителя, разумеется. Делаю эту оговорку, потому что даже сильнейшие лю-

бители не могли на равных состязаться с профессионалами, уровень игры которых в те годы достигал высокого совершенства. Бильярдных было много, крупная игра шла почти всюду. Еще в полной силе были дореволюционные мастера.

Маяковский с профессионалами играл редко. И не потому, что боялся их: игру всегда можно было уравновесить формой. Ему претили ухищрения профессиональной игры, обязательно связанной со сложными тактическими ходами и с известной долей коварства. Но не любил он и «пустой» игры, то есть без всякой ставки. Исключения он делал только для партнеров заведомо слабых. Так он играл с Луначарским, который бильярд очень любил, но играл чрезвычайно слабо.

Анатолий Васильевич, человек, вообще говоря, исключительной тонкости и проницательности, в бильярдной становился простодушным до наивности: он искренне верил, что играет неплохо – только ему очень не везет.

У Маяковского был поразительно точный и сильный удар. Особенно хорошо он играл угловые шары, но и в середину любил положить шар «с треском».

«Человек – это стиль» – говорят французы. И в стиле бильярдной игры, в каждом движении Владимира Владимировича сквозило то своеобразие, которое было свойственно всем проявлениям его неповторимой индивидуальности, – прямота, напор, смелость, порой дерзость, и вместе с тем отличная выдержка, стойкость, поразительная корректность.

Вообще корректность, да и подлинное рыцарство были

свойствами натуры Маяковского. Но неверно думать, что Маяковский всегда был вежлив, сдержан и мягок. Отнюдь нет, он бывал очень резок и весьма напорист, когда речь шла о серьезном деле, тем паче если доводилось отстаивать творческие или общественные позиции, принципы, убеждения. Тут он становился беспощадным, превращался в непреклонного борца.

Тем более удивительным, непохожим на себя показался мне Маяковский в тот памятный мне день нашей последней встречи.

Вечером 27 марта 1930 года мне предстояло вступительным словом о пьесе Маяковского «Баня», поставленной театром Мейерхольда, открыть диспут в Доме печати.

А днем у нас в редакции «Вечерней Москвы» для обсуждения пьесы и мейерхольдовской постановки собралась рабочая бригада. Значительная часть этой бригады состояла из студентов, в частности ГИТИСа. Впрочем, было и несколько заводских рабочих. Время от времени газета приглашала бригаду на общественные просмотры, затем устраивала обсуждение.

После просмотра «Бани» хор негодующих был яростным, стройным, а голоса защитников звучали неуверенно, даже робко. Над пьесой и спектаклем пронесся критический ураган в двенадцать баллов.

Наиболее резко против постановки выступила «Рабочая газета»: «То, что у Александра Безыменского в «Выстреле»

является подлинной советской сатирой, за которой чувствуется большая взволнованность и боль за наши недочеты, — здесь превращено в холодный и грубый гротеск, цинично искажающий действительность».

Не пощадила Маяковского и «Комсомольская правда». «Продукция у Маяковского на этот раз вышла действительно плохая, и удивительно, как это случилось, что театр имени Мейерхольда польстился на эту продукцию».

Эти оценки были результатом недопонимания Маяковского, который воспринимался лишь как главарь одного из борющихся литературных течений. К тому же он не был членом партии, а всего лишь попутчиком.

Если говорить о «Бане», то лишь один критик после ее появления заговорил о «театре Маяковского». Мне же казалось тогда, что его пьесы, включая «Баню», носят преходящий характер, безотносительно к достоинствам, которые я видел и гласно признавал. «Баню» я считал произведением талантливым, самобытным, но в чем-то незавершенным, не нашедшим вдобавок полноценного, адекватного сценического воплощения.

Перед началом совещания в «Вечерней Москве» мне пришлось отлучиться. Вернувшись, я увидел такую картину: Маяковский стоял в коридоре, прислонившись к притолоке у двери комнаты, где происходило совещание, и слушал, явно не желая показываться собравшимся.

По голосу я узнал критика, который нередко выступал

на страницах «Вечерней Москвы». Он критиковал пьесу и спектакль аргументированно и довольно едко. Маяковский буквально серел, но пресекал всякие мои попытки войти в комнату и вмешаться в ход обсуждения.

Я ощутил необыкновенно болезненную реакцию Владимира Владимировича на критику пьесы, хотя кто-кто, а он, казалось, привык к таким разносам и разгромам, к таким критическим тайфунам, по сравнению с которыми эта речь старого театрала могла показаться благодушной. Но таково уж, видимо, было настроение Владимира Владимировича в те дни, такова была степень его ранимости, которую обычно он умел великолепно прикрывать острой шуткой, едкой репликой, а то и явной бравадой. Маяковский был явно угнетен и подавлен.

Когда возвращаешься мысленно к той далекой поре, кажутся непостижимыми равнодушие, слепота и глухота, которые овладели людьми, знавшими поэта близко, его друзьями и соратниками.

На открытии Клуба мастеров искусств я впервые услышал, как Маяковский читал вступление к поэме «Во весь голос».

Обстановка была парадная, банкетная, легкомысленная. Собравшиеся сидели за столиками. Самые прославленные представители различных муз соревновались в умении развлекать узкий круг (зал маленький, от силы полтора-два человека) изошренных ценителей.

На полукапустническом фоне стихи Маяковского резанули по сердцу.

«Наших дней изучая потемки...» Какие потемки? Это кому же темно в светлые дни ликвидации кулачества как класса и всеобщей победы, одержанной Российской ассоциацией пролетарских писателей над иноверцами, в том числе над самим неукротимым Маяковским?

Меня поразили глубокое беспокойство, невысказанная боль, охватившие сердце поэта. Он обращался к потомкам, потому что отчаялся услышать отклик современников. Как можно было пройти мимо его трагической настроенности?!

Бас Маяковского рокотал, некогда было оценить всю силу и глубину образа, неповторимую инструментовку стиха, изумительное искусство звукописи – совсем другое ощущение охватило меня: внутренняя дрожь, неосознанное чувство тревоги, беспокойства.

Наступила та тишина, о которой мечтает каждый актер, каждый режиссер, тишина завороченности, зачарованности, которая дороже всяких шумных оваций. И когда на последней ноте замер голос чтеца и отзвучала неслыханная в этом зале тишина, когда отгремели аплодисменты, вдруг за одним из столиков раздался до противности рассудительный голос: – Маяковский пробует эпатировать нас, как некогда эпатировал петроградских курсисток.

Говорил директор крупного московского театра, известный своей военной выправкой и познаниями в теории пуле-

метной стрельбы...

Я долго не мог отделаться от чувства тревоги, как я был уверен, беспричинной, вызванной только смелостью, насыщенностью произведения и покоряющей силой исполнения.

В конце концов не так близко знал я Маяковского, не знал бремени обрушившихся на него бед и не мог постичь неимоверной боли, которая уже не дни, а, наверное, недели и месяцы точила сердце поэта.

Да и весь привычный облик Маяковского, всегда собранного, всегда настроенного как бы воинственно, агрессивно, не вязался с мыслью о назревающей, если уже не вполне созревшей трагедии.

Народу на диспуте о «Бане» было немного. И уже во время моего вступительного слова обозначились две группы слушателей разной численности. Пока я говорил – более или менее сочувственно – о пьесе, иронические реплики подбрасывала группа рапповцев, а подбадривали меня мейерхольдовцы. Когда я заговорил о недостатках спектакля, заволновались мейерхольдовцы, а поддерживать стали рапповцы.

Речь Маяковского была не очень похожа на его обычные речи – наступательные, часто агрессивные, иногда веселые, задиристые. После диспута в Доме печати Маяковский и повлек меня в Клуб мастеров искусств, где проговорили почти всю ночь.

Чувство глубокой горечи, недоумения, можно сказать, обиды слышалось едва ли не в каждой фразе, в каждом же-

сте, даже в междометиях Маяковского. Нельзя забыть и ощущения растерянности, которая явно владела им в тот день и так не вязалась с его обликом.

Маяковский спросил меня, почему «Вечерняя Москва» вопреки обычаю откликаться на премьеры на следующий же день до сих пор не выступила. Я сказал откровенно, что в редакции нет единодушия в оценке спектакля.

– Но в редакции же есть статья о «Бане»?

– Кто вам сказал об этом? – ответил я вопросом.

– Ну, в редакциях секреты не хранятся. Так почему вашу статью не печатают?

Я ответил, что моя статья не очень удалась и товарищам показалась расплывчатой.

– То есть недостаточно резкой? Товарищи боятся не попасть в тон разгромным статейкам «Рабочей газеты» и «Комсомолки»? Скажите, чем объясняется это поветрие? Вы можете вспомнить, чтобы так злобно писали о какой-либо пьесе? О «Днях Турбиных», даже о «Зойкиной квартире» не писали в таком разносном тоне. И все – как по команде. Что это – директива?

Я попытался убедить Владимира Владимировича в том, что никакой директивы нет и быть не может, что рецензии – результат неблагоприятного настроения, сложившегося на премьере, что пьеса трудна для понимания, что Мейерхольд не проявил свойственной ему изобретательности...

– Да при чем тут Мейерхольд! – прервал меня Маяков-

ский. – Удар наносится по мне – сосредоточенный, злобный, организованный. Непристойные рецензии – результат организованной кампании.

– Организованной? – удивился я. – Кем? Кто заинтересован в такой кампании против вас?

Маяковский говорил даже о травле. Он утверждал, что этот поход против него стал особенно яростным в связи с выставкой, которую он организовал к двадцатилетию своей литературной деятельности.

– Я много езжу, выступаю, хотя у меня больные связки и временами выступать совсем не следует, – говорил Маяковский.

Он рассказал мне, что давно убедился: форма его стиха лучше воспринимается на слух. Он сам таким образом создает себе читателя. Теперь он может на вечерах продавать огромное число своих книг, даже тома собрания сочинений. Попутно он ведет общекультурную работу, которую, кроме него, никто не ведет. И вот в разгар этой работы ему наносится удар за ударом, с явным намерением подорвать доверие к нему, вывести его из строя.

– С восемнадцатого года меня так не поносили. После первой постановки «Мистерии-буфф» в Петрограде писали: «Маяковский продан большевикам».

Я сделал попытку перевести беседу в юмористический план:

– Так чего вам сокрушаться, Владимир Владимирович?

Ругались прежде, кроют теперь...

– Как же вы не понимаете разницы! Теперь меня клеймят со страниц родных мне газет!

– Но все-таки к вам хорошо относятся, – попробовал я возразить.

– Кто?

– Например, Анатолий Васильевич Луначарский сказал мне, что в ЦК партии вас поддержали, когда возник вопрос об издании вашего собрания сочинений.

– Да, Луначарский мне помогал. Но с тех пор много воды утекло.

Маяковский был уверен, что враждебные ему силы находят у кого-то серьезную поддержку. Только этим можно объяснить и то, что никто из официальных лиц не пришел на его выставку, что все литературное начальство было представлено одним Александром Фадеевым, что на выставку не откликнулись большие газеты, а журнал РАПП «На литературном посту» устроил ему «очередной разнос».

– А почему эту разносную статью перепечатала «Правда»? Что это означает? Булавочные уколы, пустяки? Нет, это кампания, это директива! Только чья, не знаю.

– Вы думаете, что «Правда» действовала по директиве? – переспросил я.

– А вы полагаете, что по наитию, по воле святого духа? Нет, дорогой.

– Вы, мне кажется, все преувеличиваете. Статья в «Прав-

де»? Модно говорить об уклонах – как не найти уклоны в литературе. Вот и статья о «левом уклоне».

– Вы правы в одном: статья в «Правде» сама по себе не могла сыграть большой роли. Но вы никак не объясните, почему выставку превратили в Голгофу для меня. Почему вокруг меня образовался вакуум, полная и мертвая пустота.

Я знал, что на выставке бывало много народу, что у Маяковского много друзей, последователей, целая литературная школа. Все это я с большой наивностью и высказал.

– Друзья? Может, и были друзья. Но где они? Кого вы сегодня видели в Доме печати? Есть у меня друзья – Брики. Они далеко. В сущности, я один, тетка, совсем один...

Я не понимал безнадежности попыток убедить Маяковского, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров, а его огорчения – следствие мнительности или, пуще того, необоснованных претензий. Я не понимал, что выставка «За двадцать лет» для Маяковского – итог всей трудной жизни и он вправе, именно вправе ждать признания.

И я задал вопрос, который Маяковскому, вероятно, показался если не бестактным, то весьма наивным:

– Чего же вы ждали, Владимир Владимирович? Что на выставку придут Сталин, Ворошилов?

Ответ последовал вполне для меня неожиданный:

– А почему бы им и не прийти? Отметить работу революционного поэта – обязанность руководителей советского государства.

Или поэзия, литература – дело второго сорта? Сталин принимает рапповцев, без них ничего существенного не делается...

Что я мог сказать Маяковскому? Я не знал, как относятся к нему руководящие деятели партии тех лет, в частности Сталин. И главное, я вовсе не был уверен в том, что Владимир Владимирович прав и государственные деятели обязаны оказывать внимание поэту.

Тогда, если не ошибаюсь, еще не принято было награждать писателей орденами за достижения в литературе. Правда, орденом Красного Знамени был награжден Демьян Бедный. Но то Демьян и за Гражданскую войну.

В течение всей беседы мне очень хотелось задать Маяковскому один вопрос, но я никак не решался, опасаясь чрезмерно острой реакции. Наконец я набрался духу:

– Владимир Владимирович, если вы так не жалуете рапповцев, воюете с ними, почему вы вступили в РАПП?

Маяковский ответил спокойно:

– Не путайте РАПП и рапповцев, людей и принципы. Меня ничто не разделяет с партией, с революцией. Этот путь мне никто не навязывал, я давно его выбрал сам. И если партия считает, что РАПП ближе всего выражает ее взгляды и приносит пользу – я с РАППом. Время надвигается острое... И позднее, – вдруг добавил он. – Вон служащие ресторана расходятся.

Маяковский поднялся и зашагал к гардеробу.

Мы вышли во двор. Светало, надвигалось утро. Мы отправились к Малой Дмитровке. На углу стояли извозчики.

– Поедем, – предложил я Владимиру Владимировичу.

– Нет, я, пожалуй, пройду пешком.

Мы распрощались, я уехал.

Больше я Маяковского не видел.

Утром 14 апреля мне домой позвонил сотрудник «Вечерней Москвы»:

– Маяковский застрелился.

КОНТОРА С ВЫВЕСКОЙ

В частном разговоре Менжинский сказал наркому иностранных дел Чичерину: «ОГПУ обязано знать все, что происходит в Советском Союзе, начиная от политбюро и кончая сельским советом. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей».

Менжинский имел все основания гордиться своей работой. За восемь лет он создал разветвленную систему органов госбезопасности, подавил крестьянские волнения в период коллективизации, успешно провел громкие процессы над «вредителями» и сформировал сильную разведывательную сеть за рубежом.

Менжинский, в отличие от своего предшественника, понял, что надо служить лично генеральному секретарю. При Менжинском высший командный состав ОГПУ при назна-

чении на должность стал утверждаться в партийной канцелярии. Сотрудники госбезопасности тоже проходили чистку, как и все остальные члены партии.

С началом коллективизации оказалось, что ОГПУ не располагает достаточным аппаратом на селе. К концу жизни Менжинского аппарат госбезопасности резко увеличили.

В политбюро знали, что представляют собой любимые ими органы, пишет Олег Хлевнюк. В 1931 году Молотов говорил: «До сих пор есть постоянные дежурные ГПУ, которые ждут, когда можно будет привлечь того или иного специалиста к ответственности. Ясно, что в таких случаях создают дело».

Сталин говорил еще жестче: «Не надо допускать, чтобы милиционер был техническим экспертом по производству... Не надо допускать того, чтобы на заводе была специальная контора ОГПУ с вывеской, где сидят и ждут, чтобы им дела подали, а нет – так будут сочинять их...»

Эти выступления не публиковались.

Вячеслав Рудольфович Менжинский умер от сердечного приступа 10 мая 1934 года на даче «Шестые Горки» в Архангельском. Ему было шестьдесят лет.

14 мая под гром артиллерийского салюта урну с его прахом захоронили в Кремлевской стене.

Не так давно историки отыскивали постановление политбюро, которым президиуму ЦИК СССР поручалось «организовать специальное помещение в Институте Мозга с соот-

ветствующим оборудованием для хранения слепков, иллюстративного и научно-исследовательского материала мозгов умерших выдающихся деятелей Союза, находящихся в Институте».

В этом списке Менжинский на первом месте. Уже за ним шли народный артист республики Леонид Витальевич Собинов, французский писатель Анри Барбюс, Циолковский, Маяковский, академик Иван Петрович Павлов...

Преемника Менжинскому Сталин выбирал необычно долго. Только через два месяца после смерти Менжинского его кресло получил Генрих Григорьевич Ягода. Это была последняя смена руководства органов госбезопасности, которая прошла спокойно и тихо. Впоследствии каждый новый хозяин Лубянки уничтожал и своего предшественника, и его клеветов.

Часть вторая БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

Глава 3 ГЕНРИХ ГРИГОРЬЕВИЧ ЯГОДА

Город Рыбинск подарил стране двух начальников госбезопасности – Андропова и Ягodu. Только Андропов на самом деле родился на Северном Кавказе, а в Рыбинске лишь учился.

А вот Генрих Григорьевич Ягода родился 7 ноября (по старому стилю) 1891 года именно в Рыбинске. Полностью интерес к его биографии еще не удовлетворен. О нем много чего написали, но по большей части это какие-то мифы.

Его отец, Григорий Филиппович, был двоюродным братом Михаила Свердлова – отца Якова. Так что Ягода и Яков Михайлович Свердлов, председатель ВЦИК и предшественник Сталина на посту секретаря ЦК, были троюродными братьями. Яков Михайлович Свердлов умер в 1919 году и особенно помочь дальнему родственнику не успел. Но тот в протекции и не нуждался.

У будущего наркома внутренних дел было пятеро сестер и двое братьев. Племянница Генриха рассказала уже в годы

перестройки, что один из братьев, Михаил Ягода, был зарублен казаками во время сормовских событий – ему не было и шестнадцати. Другого брата, Льва Ягоду, мобилизовали в армию адмирала Колчака и казнили вместе с другими солдатами, отказавшимися, как и он, расстреливать рабочих.

Впрочем, родственные связи не много значили для Генриха Ягоды. В эпоху террора он, не раздумывая, подписал ордер на арест своей племянницы Дины.

В партию он вступил в 1907 году, в шестнадцать лет, после первой русской революции, когда многие, разочаровавшись, совершали обратный шаг – выходили из партии. Партийные клички – Темка, Сыч, Одинокый, Галушкин.

В Нижнем Новгороде он познакомился с Максимом Горьким, с которым дружил всю жизнь.

Генрих экстерном окончил восемь классов гимназии, работал в подпольной типографии, вступил в Сормово в боевую дружину. Как человека действия, его тянуло к анархистам. За революционную деятельность в 1911 году его арестовали, но отпустили. Он уехал в Москву к сестре Розе, состоявшей в партии анархистов, жил под фамилией Галушкин – это одна из его партийных кличек. В мае 1912 года его вновь арестовали и на два года выслали в Симбирск под гласный надзор полиции.

Потом перебрался в Петроград, работал в больничной кассе Путиловского завода и в журнале

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.